А. ЧЕРНЫЙ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

А. ЧЕРНЫЙ

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

РАЗСКАЗЪ

БЕРЛИНЪ
1 9 2 3

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Druckerei Lutze & Vogt G. m. b. H., Berlin SW 48

* * *

Станція Мценскъ. Чемоданъ въ одну руку, портпледъ въ другую и на платформу. Поѣздъ взвизгнулъ и укатилъ, а я остался. Скамейка съ веселымъ сосѣдомъ-скорнякомъ, свѣчи на столикѣ, недопитый чай, скептическій разговоръ съ наборщикомъ въ коридорѣ и уютная ночная печаль за окномъ — гдѣ все это?

Холодный вѣтеръ, мечущіеся фонари у дверей перваго класса и ящикъ для писемъ, — все такое обычное и чужое. Особенно чужія черныя буквы на стѣнѣ: «Мценскъ». Сейчасъ открою дверь, глаза увидятъ новыхъ людей, и всякій будетъ нуженъ, какъ утопающему кругъ.

Носильщикъ беретъ мои вещи и, пробуя на рукѣ новый чемоданъ, съ любопытствомъ, но почтительно заглядываетъ въ глаза:

— Въ номера изволите?

— Нѣтъ. Лошадей надо. Въ Торчино.

— Лошадей, ваша милость, не достать, поздно.

Поздно? Какъ же быть?

— А вы въ номера, съ дороги отдохнете, а утречкомъ...

— Далеко?

— Два квартала-съ. Номера Бочагова, Еремѣй довезетъ.

— Какой Еремѣй?

— Извозчикъ, то-есть, у подъѣзда. Прикажете нести?

— Несите. Клоповъ много?

Носильщикъ улыбается, словно я ему рубль подарилъ:

— Маленечко есть, господа не обижаются, ничего-съ.

— Ну, ладно.

Прохладная пыльная тьма, собачій лай. Влѣзаю на темныя дрожки, прижимаю къ груди чемоданъ и довѣрчиво всматриваюсь въ тьму. Черезъ 10 минутъ жестокой тряски пріѣхали. Еще новый человѣкъ вынырнулъ изъ тьмы, потащилъ вещи и привелъ наверхъ. Ока-

зался блондиномъ; конечно, заспаннымъ, конечно, грязнымъ и, конечно, первыя слова: «Пожалуйте паспортъ».

Вхожу въ номеръ, закрываю за собою дверь и оглядываюсь. Чужое... чужое, — тамъ, за ставнями, сотни верстъ тьмы, незнакомой земли, лѣсовъ и пещерныхъ жилищъ, — здѣсь квадратъ, оклеенный малиновой съ золотомъ бумагой, запахъ грязнаго бѣлья и обезьяньей клѣтки. А въ центрѣ я. Кто я? Зачѣмъ здѣсь? Спать.

Старыя темныя волны подступили, остановили расшагавшіяся ноги, опустили голову... Но ерунда, къ чорту — спать все-таки надо, а утромъ будетъ солнце, и все будетъ иначе. Съ гадливостью сбросилъ на полъ сальное ватное одѣяло и жеваное бѣлье, разостлалъ на матрацъ портпледъ, сверху свою простыню, укрылся пальто и, стараясь не касаться ни одной точкой тѣла заплеванной стѣны и желѣза кровати, укрылся съ головой, притаился, согрѣлся кое-какъ и черезъ пять минутъ умеръ легко и кротко.

. . . .

Воскресъ и ничего не понимаю. Гдѣ? Во всѣхъ четырехъ окнахъ, какъ въ рамахъ, пестрый нищенскій жанръ: мелкая рѣчка, водовозъ на бочкѣ, заплатанный свайный мостъ, обшарпанные дома, осѣвшіе и кривые точно ихъ кто расперъ изнутри, наличники, окрашенные синькой и охрой, и церкви... одна, двѣ, четыре, шесть, семь, — всѣ разныя, игрушечныхъ стилей, яркія, — словно декорація изъ національнаго балета. Все такое знакомое по книжкамъ, выставкамъ, но почему-то никогда не приходило въ голову, что оно существуетъ, гдѣ-то живетъ, кѣмъ-то заведено и до сихъ поръ, какъ было въ «Мертвыхъ душахъ», такъ и сохранилось. Уѣздная Помпея, такъ сказать. Развѣ только вокзалъ желѣзной дороги пристроился на окраинѣ.

Звоню:

— Самоваръ, и какъ насчетъ лошадей?

— Сейчасъ.

Услужающій засаленъ, заспанъ, угрюмъ и пахнетъ чѣмъ-то очень сложнымъ и тяжелымъ, — словомъ, традиція соблюдена до мелочей. Даже трогательно. Самоваръ оказался

такого цвѣта, точно его только что выкопали изъ кургана, чай отдавалъ мокрой шерстью, а баранки ломались съ сухимъ трескомъ и разсыпались въ пальцахъ. Мнѣ стало смѣшно.

Солнце залило комнату, и вся эта рвань за окномъ какъ-то особенно привѣтливо и простенько запестрѣла. Когда тамъ, за окномъ вагона, послѣ безконечныхъ квадратовъ черной и бурой земли, овраговъ, перелѣсковъ и лужковъ, выростали груды крышъ, а станція бросала въ глаза имя своего городка, чтобы черезъ минуту скрыть его навсегда — крыши эти были, какъ встрѣчи во снѣ, слиты и призрачны. А тутъ, вотъ сейчасъ выйду, увижу, проѣду изъ конца въ конецъ, и каждый нелѣпый домикъ съ замшившимся тесомъ на крышѣ будетъ какъ свой и войдетъ въ глаза на утреннемъ холодкѣ, какъ новая жизнь и какая-то своя правда.

Чортъ знаетъ что, — разбѣжался и вспыхнулъ, иду навстрѣчу и знаю самъ, что не къ чему. Чужое и вымороченное. Солнце и изъ навоза стихотвореніе въ прозѣ сдѣлаетъ...

Вотъ и кучеръ. Мужикъ съ бляхой на затылкѣ, въ картузѣ, въ нагольномъ тулупѣ. Борода до бровей, глаза какъ у Шелли, но десять рублей вмѣсто шести, какъ надо бы взять, все-таки спросилъ и не уступилъ. Случай рѣдкій, какъ не содрать, — поневолѣ въ славянской душѣ проснулись итальянскіе инстинкты.

— Какъ васъ зовутъ?

— Трифонъ.

— Съ колокольчикомъ поѣдемъ?

— Ужъ какъ полагается; погоди, за городъ выѣдемъ, отвяжу балабонъ-то. Въ городѣ исправникъ не дозволяетъ.

— А самъ, небось, всегда съ колокольчикомъ?

— Да ему кто жъ запретитъ?

О, какія лошади! И не только у моего извозчика, вонъ и рядомъ и еще вдоль забора, у всѣхъ извозчиковъ такія. Опилками они ихъ кормятъ или хворостомъ? Или ничѣмъ? Усаживаюсь на ржавыя, оборванныя дрожки, смотрю и жду. Если бы нищій могъ держать свой выѣздъ, у него долженъ былъ бы быть точно

такой экипажъ и лошади. Спины такъ остры, что глазамъ больно — ихъ бы куда-нибудь въ лошадиную санаторію, что ли, а не гнать за тридцать верстъ. Овсомъ кормитъ, — оказывается. Полную торбу подъ себя подложилъ.

— Но, эй!

Поѣхали, я думалъ — не повезутъ. Качаюсь вправо, качаюсь влѣво, голова болтается, камни на мостовой, какъ черныя клавиши, протарахтѣлъ мостъ, улица полѣзла въ гору, тащимся, и съ каждымъ шагомъ изъ-за крутого взгорья съ желтой церковью все шире и шире развертывается лиловая свѣтовая даль... Но глаза еще отворачиваются, ждутъ полнаго простора тамъ, за городомъ, чтобъ нанирваниться допьяна, безъ помѣхи. Опять повернули. Сѣрые отъ дождей матовые заборы отливаютъ тусклымъ блескомъ на сучкахъ, надъ заборами — яблони. Кое-гдѣ, среди ржавыхъ лепестковъ бѣлѣетъ еще послѣдній цвѣтъ, — такъ давно, такъ давно не видѣлъ... Тамъ, за заборами, скамейки подъ густыми кустами, бесѣдки, закрытыя хмелемъ, тишина и сырость... Мимо, ни къ чему! «Продажа муки и проча-

го зерна». Еще одна церковь. Къ чему имъ столько? Домики все рѣже, еще одинъ, другой. У послѣдняго старикъ въ пиджакѣ и нижкемъ бѣльѣ отворяетъ ставни. Конецъ.

— Что это за домъ на горѣ?

— Чего?

— Домъ, спрашиваю, чей на горѣ?

— Не домъ, это — тюрьма.

Ну что жъ, тюрьма такъ тюрьма. Два этажа, бѣленькая. Во всемъ городѣ такого большого, красиваго дома нѣтъ. Спасибо хоть за то, что горизонтъ украшаетъ...

Все дальше, дальше... Поля подошли къ колесамъ, грачи подымаютъ головы отъ земли, смотрятъ и равнодушно поворачиваются бокомъ; желѣзнодорожный мостъ спряталъ послѣднюю арку, навстрѣчу зашумѣла у перекрестка искалеченная ракита и, какъ ровный колыбельный напѣвъ, закачался у дуги тонкій, чуть надтреснутый, томный плескъ. Небо стало другимъ. Громадное, глазомъ не охватишь, здѣсь синее, тамъ голубое, облака развернулись и стали, — края, какъ золотыя стружки. Воздухъ — какъ полная радость, дышишь.

словно здоровье пьешь-пьешь, и жаждѣ конца нѣтъ. Землей пахнетъ, травами пахнетъ, тишина до края земли, и колокольчикъ словно не къ дугѣ привѣшенъ, а къ самому сердцу.

Дорога колей въ восемь — земли не жалко — взобралась на пригорокъ, и вдругъ поля исчезли. Въѣхали въ деревню. Прямая длинная улица, только одна, по бокамъ низкіе кубы, одни изъ бревенъ, другіе кирпичные. Дырки побольше — двери, дырки поменьше — окна. Тамъ и сямъ передъ избами тощія ракитки. Навстрѣчу съ крикомъ бѣгутъ оборванныя дѣти. Мужикъ подымается съ земли и снимаетъ на всякій случай шапку... Проѣхали...

Я могъ бы теперь быть въ Сициліи или въ Каирѣ... Или въ другомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ еще можно видѣть послѣдніе клочки чудесъ на земномъ шарѣ. Отчего же я здѣсь? Ахъ, да! Петръ Петровичъ посовѣтовалъ: сказалъ, что въ странѣ, въ которой мы живемъ, есть свой необъятный Каиръ, — очень удобный къ тому же Каиръ, потому что въ немъ говорятъ по-русски. Назвалъ знакомое село: далеко отъ города, не очень бѣдно, есть прудъ...

Какое оно это село? Есть тамъ лѣса и глубокія складки земли, заросшія прохладными кустами, какіе люди, у кого буду жить, что будетъ передъ окномъ?.. Все это уже есть и инымъ, чѣмъ оно есть, быть не можетъ, но я не знаю, я еще не видѣлъ, и для меня это новое такъ многогранно и таинственно... Качаюсь вправо, качаюсь влѣво, глаза уходятъ за сизую полоску горизонта, все обычное отошло, душа словно пустая квартира — все выбросила и ждетъ новыхъ жильцовъ...

* *
*

Съ сѣверной стороны администрація и культура: волостное, чайная (тамъ же и водка), больница съ темно-зеленой каймой шиповника вдоль ограды и двухъэтажная веселая школа. Передъ школой уютныя лохматыя липы.

Съ востока, запада и юга попроще: деревянныя и кирпичныя избы подъ огромными нестриженными соломенными крышами (у лавочника желѣзная), по кирпичу бѣлые разводы зигзагами вверхъ и внизъ.

Въ юго-западномъ углу крытый колодецъ съ колесомъ, передъ колодцемъ кирпичный домикъ съ косой трещиной черезъ всю стѣнку и, — слава Богу! — двѣ ракиты. У домика крытое крыльцо со скамейкой. На скамейкѣ я. Вотъ вся топографія.

Остальное мѣняется: облака въ небѣ то стоятъ надъ колодцемъ, то уходятъ въ конецъ дальней улочки, маленькія дѣти то разсматриваютъ меня въ упоръ, усѣвшись передъ крыльцомъ на травѣ, то садятся сбоку и разсматриваютъ мой профиль. Въ домикѣ я одинъ. Хозяину его оторвало на шахтахъ ногу, и такъ какъ на деревяжкѣ за плугомъ не угонишься, то онъ, вернувшись, устроился сторожемъ въ школѣ за три версты, а домъ сдавалъ кому придется. Въ прошломъ году больницѣ подъ роженицъ, въ этомъ — мнѣ. Жена его, Ѳеня, приходитъ ежедневно готовить обѣдъ.

Хорошо ли? Шарикъ, который въ позѣ сфинкса лежитъ подъ ракитой, вѣроятно, усмѣхнулся бы на такой вопросъ, если бъ понималъ. То одинъ глазъ откроетъ, то другой, оба сразу — лѣнь; языкъ вывѣсилъ и грѣется.

Можетъ быть, гдѣ-нибудь за полъ-версты и лучше. Подъ березой на опушкѣ рощи... Тамъ повернешься на одинъ бокъ—небо, какъ океанъ въ парусахъ, и сквозная зелень травъ такъ таинственно бормочетъ и качается, повернешься на другой — бѣлые стволы, словно изъ тѣла растутъ, а верхушки мотаются у самой голубой краски. Лучше тамъ, Шарикъ,а? Вотъ ты лежишь, какъ колода, подъ неинтереснымъ деревомъ, а у пруда можно погонять по кустамъ, напиться, утенка деревенскаго сцапать, —благо никто не увидитъ. Но пока туда доберешься... Жара. Лѣтняя лѣнь, какъ запой. Лежитъ Шарикъ, сидятъ дѣти, сижу я — и такъ цѣлыми часами. Дѣти молчатъ и смотрятъ.

Самый маленькій и пузатый время отъ времени наклоняется къ бѣлоголовой дѣвочкѣ съ черными глазами и, захлебываясь, сообщаетъ ей, очевидно, результатъ своихъ наблюденій надъ моей особой. Что онъ такое говоритъ, одному Богу извѣстно, потому что у него вмѣсто словъ пузыри изо рта выскакиваютъ. Дѣвочка досадливо отодвигаетъ его локтемъ и еще пристальнѣе, еще неотвязнѣе впивается въ мою

фигуру. Подходятъ новыя и новыя, усаживаются на землѣ и съ выраженіемъ напряженнаго ожиданія начинаютъ меня разглядывать: лицо, ботинки, цѣпочку отъ часовъ и пр. Мнѣ все болѣе неловко, я чувствую, что надо что-нибудь такое сдѣлать, чтобы ихъ не разочаровать. Вспоминаю, какъ мы ходили съ братьями въ дѣтствѣ въ зоологическій садъ и часами обиженно простаивали передъ клѣткой медвѣдя или какой-нибудь вялой птицы, которые упрямо не желали двигаться, — вспоминаю кстати свой давно забытый талантъ и, побѣдивъ внезапное волненіе артиста передъ незнакомой публикой, — заливаюсь лаемъ на весь выгонъ.

Успѣхъ полный. Шарикъ вскочилъ и чуть не схватилъ меня за губу, вихрястый мальчикъ съ выбитыми зубами перевернулся черезъ голову и обнаружилъ всю неисправность своего костюма со стороны ближайшей къ землѣ, дѣвочка взвизгнула, самый маленькій упалъ и заплакалъ, но потомъ понялъ, въ чемъ дѣло, и сталъ отъ восторга пускать такіе пузыри, что мнѣ страшно стало...

Пришлось повторить еще и еще, потому что слишкомъ ужъ хорошо они смѣялись. Такъ хорошо, что даже дѣйствительный тайный совѣтникъ улыбнулся бы въ отвѣтъ, и, пожалуй, тоже залаялъ бы, чтобы снова вызвать такой смѣхъ...

Потомъ я курилъ и пускалъ дымъ изъ ноздрей, ловилъ три камня одной рукой, высовывалъ языкъ, свисталъ и уже думалъ, что ледъ сломанъ и можно перейти къ болѣе культурнымъ формамъ общенія. Но напрасно. Едва окончилась увеселительная программа, какъ наступило полное молчаніе, только пузатый все громче сопѣлъ отъ напряженія, а остальныя, какъ маленькіе Будды, неподвижно и важно сидѣли на травѣ и разсматривали меня.

— Какъ тебя зовутъ? — спрашиваю дѣвочку.

Молчаніе.

— А тебя?—спрашиваю лукаваго мальчишку въ рваной малиновой рубашкѣ.

Молчаніе.

— Проглотилъ языкъ? Ну, ладно, не будете разговаривать, такъ я больше лаять не буду.

Молчаніе, но уже начинають переглядываться и прятаться другъ за друга. Я встаю со скамьи, подхожу къ дѣвочкѣ, опускаюсь рядомъ на траву и заглядываю въ ясные черные глазки :

— Отчего ты не хочешь сказать, какъ тебя зовутъ ?

И вотъ происходитъ нѣчто необыкновенное : дѣвочка стремительно бросается на землю и въ припадкѣ какого-то патологическаго смущенія (другого и слова не приберу) закрываетъ руками лицо и подворачиваетъ голову подъ плечо. Обращаюсь къ другому — то же самое. Оцѣпенѣлъ, свернулся въ клубокъ, закрылъ лицо и такъ крѣпко прижался къ травѣ, что и не оторвешь никакъ. Зато остальныя довольны необычайно — въ глазахъ блеснуло не то злорадство, не то сочувствіе. Даже языки развязались : «Такъ ее, такъ ее ! Боишься? Смотри, за руку Серегу беретъ...» — «Серега, не поддавайся ! Чортъ ! »

Я печально вздыхаю, подымаюсь и иду къ себѣ. Еще не одинъ день намъ надо разсматривать другъ друга, чтобы узнать, какъ кого

зовутъ. Въ передней висятъ «котелки» (такъ здѣсь называются баранки), снимаю и отдаю имъ. Но взятка не помогла: стремительно съѣли и опять застыли въ прежнихъ позахъ.

Ухожу въ комнату. Жаль опускать занавѣски, жаль закрывать синее небо и дальнюю улочку съ ракитами, еще больше жаль лишать ребятъ дарового представленія — вонъ они уже сидятъ другъ на другѣ и разглядываютъ сквозь оба окошка и меня и комнату. Но что дѣлать? Кромѣ чемодана и умѣнья лаять, я, вѣдь, привезъ и, такъ называемые, нервы, — когда даже такіе маленькіе люди такъ долго и неотступно осматриваютъ тебя, начинаетъ казаться, что ты голый, живешь въ какомъ-то стеклянномъ акваріумѣ... Даже не голый, а больше — точно съ тебя кожу содрали и смотрятъ. Они вотъ падаютъ же на землю, когда подходишь къ нимъ ближе.

. . . .

Бѣлыя стѣны. Низкій потолокъ. На стѣнѣ яркія картинки изъ «Jugend» (самъ вдѣлалъ въ стекла), карта Россіи изъ путеводителя и Толстой на кнопкахъ, надъ Толстымъ огненное

орловское полотенце, а надъ постелью — горячій, веселый оранжовый платокъ съ малиновыми розами и изумрудными листьями. Стѣны — это главное. Когда вотъ такія уютныя штучки развѣсишь, какъ-то спокойнѣе себя чувствуешь, словно въ степи за ширмами сидишь. А иногда засмотришься на яркія краски, на мудрыя лица и обрадуешься. Радость маленькая, а все-таки радость. Пусть по существу радость эта, какъ голодному нарисованный окорокъ,—что дѣлать, если другого нѣтъ? Хоть оближешься и вздохнешь, — все лучше, чѣмъ бить мухъ унынія на собственной головѣ... И столъ у меня есть: досталъ изъ школы въ видѣ одолженія учителя за интеллигентные разговоры. На столѣ въ банкахъ изумительной нѣжности полевые цвѣты: кашки, ромашки и еще что-то лиловенькое, высокое, сквозное и радостное. Въ углу кровать: композиція изъ холстины, досокъ и сѣна. У дверей виситъ доска на бечевкахъ, а на ней Диккенсъ и иные сладкіе обманщики, которые здѣсь такъ легко и полно входятъ въ голову, а въ городѣ годами валялись на полкахъ.

Вотъ и вся комната. Хороша, не правда ли? Нарядная, новая, маленькая коробка: живи въ ней хоть среди Ледовитаго океана, и то не страшно. А тутъ еще за оконной занавѣской сквозитъ зелень, мягкія пятна избъ, небо.

Жужжанье безчисленныхъ мухъ сливается въ одинъ гудящій контрабасъ, нѣмецкая толстая Mädchen изъ «Jugend» жизнерадостно упирается въ бока, и мнѣ начинаетъ казаться, что немного сонное, немного недоумѣнное ощущеніе свободы и бездѣлья, наполняющее тѣло, есть ощущеніе счастья.

Бабы, которыя приносятъ яйца, масло и прочіе необходимые для каждаго міросозерцанія предметы, удивляются и ахаютъ — крестьянская изба и такъ, молъ, красиво. Такое проявленіе вкуса радуетъ, но досадно: полотенца и платокъ я у нихъ же и купилъ, а до меня они прѣли въ сундукахъ. Что бы вынуть и развѣсить? Но полотенца эти, какъ объяснили мнѣ бабы, вышли изъ моды, а платки онѣ носятъ на головахъ. Цвѣтовъ тоже вокругъ сколько угодно. Кувшины есть и вода есть. Но странно, такая простая мысль, что бабы нарвутъ

цвѣтовъ и поставятъ у себя на столъ, какъ то сразу конфузливо съеживается и вянетъ... Съ полотенцами прямо бѣда: нужно было одно, а купилъ три, и теперь носятъ каждый день безъ конца. Вытаскиваютъ изъ сундуковъ холсты, которые сами пряли, уборы вышитые ихъ матерями, половики, и все мнѣ. Я удивляюсь, но привычка подтасовываетъ карты, снисходительно увѣряетъ, что удивляться нечему, что я «покупаю», что здѣсь деньги рѣдки и дороги и т.д. Но многому уже вѣришь съ трудомъ,— вѣришь съ трудомъ, что гдѣ-то есть конныя статуи на площадяхъ, журнальныя направленія и прочія городскія удовольствія.

На кухнѣ что-то шипитъ и булькаетъ. Вернулась хозяйка съ ведрами, а съ ней восьмилѣтняя дочка Аннушка — тоненькая, быстрая, вся запыхалась и трется о юбку матери. Совсѣмъ какъ жеребенокъ... Хозяйка красивая, строгая, улыбается рѣдко и говоритъ со мной, всегда отвернувшись въ сторону.

— Скоро обѣдать ?

Ѳеня пробуетъ вилкой :

— Картошки еще твердыя, погодить надо.

— Ну, ладно.

Иду въ садъ. Къ задней сторонѣ дома плотникъ за рубль пришилъ по бокамъ нѣсколько досокъ, съ четвертой стороны безплатно торчитъ сосѣдній плетень. Въ этомъ курятникѣ садовникъ изъ сосѣдняго имѣнья насажалъ циній, астръ и душистаго горошку вдоль плетня. Посрединѣ, какъ я его ни умолялъ, сдѣлалъ клумбу, обсадилъ ее гирляндой изъ голыхъ ивовыхъ прутиковъ и утвердилъ на вершинѣ этого торта горшокъ съ геранью. По бокамъ, у дверей, посадилъ нѣсколько бобовъ, и мой Эдемъ былъ законченъ. Скамейку замѣнилъ березовый обрубокъ, а столъ — найденная на школьномъ чердакѣ старая дверь, которую я съ великимъ трудомъ утвердилъ на четырехъ кольяхъ.

По ту сторону забора все это предпріятіе казалось талантливымъ шаржемъ на дачную жизнь, но я былъ доволенъ необыкновенно. И не одинъ я. У забора перебывало все село, и я не замѣтилъ ни одной скептической улыбки. Одобряли : одному вспомнилась городская портерная съ садомъ, и онъ подмигнулъ мнѣ, по-

казывая на столъ: «Пивка бы сюда, баринъ?» — Другіе сочувственно смотрѣли, какъ я сидѣлъ на обрубкѣ, и видно было, что это ихъ успокаиваетъ, что человѣкъ въ пиджакѣ такъ и долженъ сидѣть на обрубкѣ, за перегородкой, передъ идіотской клумбой съ геранью, что этимъ онъ, такъ сказать, исполняетъ свои функціи и украшаетъ собою село. Я даже слышалъ, какъ, проходя мимо, бабы со вкусомъ говорили другимъ бабамъ (вѣроятно, изъ другой деревни): «А вонъ тамъ нашъ дачникъ сидитъ!» И чужія бабы подходили къ забору и смотрѣли на меня.

Теперь привыкли. Я, вотъ, стою уже минутъ десять въ дверяхъ, и только два крошечныхъ бѣлобрысыхъ мальчугана изъ коровинской избы присѣли на корточки у забора, смотрятъ на меня и шушукаются. Медленно обхожу клумбу. Во всемъ тѣлѣ лѣнивый хмель бездѣлья и безпечности. Останавливаюсь надъ грядкой у плетня и смотрю: ростки горошка уже кое-гдѣ приподняли землю: сморщенные, блѣдно-зеленые — чтó въ нихъ? Но глаза никогда не видали, какъ показываются цвѣты

изъ земли. Въ цвѣточныхъ магазинахъ они продаются въ готовомъ видѣ, а здѣсь я сажалъ ихъ вмѣстѣ съ садовникомъ, я ихъ поливаю, гоняю отъ нихъ куръ и цыплятъ, когда тѣ пролѣзаютъ сквозь самыя узкія щели внизу забора и бросаются, какъ угорѣлые, прямо на грядки... Сентиментальность? Скорѣе, я думаю, — любовь; большіе ея запасы остаются въ городѣ нераскупоренными, а тутъ за день столько простого и яснаго увидишь, — того, къ чему тамъ всѣ пути уже закрыты, — что невольно раскупориваешься и выходишь изъ береговъ.

Съ этими медленно выплывающими мыслями сливаются, какъ съ облаками, другія, которыхъ ни за что не уловить — такъ много въ нихъ образовъ отъ дальней рощи, отъ колыханья конопли за плетнемъ и смутнаго сознанья, что все это какъ будто и не существуетъ, что день отъѣзда сотретъ всю эту чужую реальность, какъ губка новыя слова на доскѣ...

Дошелъ до стѣны и вздрагиваю — противъ меня, облокотясь на заборъ, стоитъ Коровинъ, черный, съ блестящими глазами, похожій на

цыгана мужикъ. Сейчасъ будетъ разговоръ. И точно: гнусаво поздоровался (боленъ онъ что ли, но такого гнусаваго голоса я никогда въ жизни не слышалъ) и началъ издали:

— Гуляешь?

— Да... вотъ... гуляю.

— Погода хороша ноньче.

— Хороша.

— Пондравилось у насъ?

— Очень. Лѣсу только мало у васъ, погулять негдѣ.

— Погулять? — Коровинъ ядовито ухмыляется въ сторону. — Погулять и безъ лѣсу можно. Вотъ насчетъ отопленія, это точно, безъ лѣса не отопишься.

— Куда же вы лѣсъ дѣвали?

— Куды дѣвали? Господину Харитонову на доски въ запрошломъ годѣ продали. Еще вонъ роща есть — на двѣ зимы хватитъ, а тамъ хошь бородой отопляйся.

— Зачѣмъ же лѣсъ продавали?

— Зачѣмъ?—Коровинъ еще ехиднѣе ухмыляется. — Покупалъ—какъ же ты не продашь? Деньги завсегда надобны.

— Гм... Такъ вы бы сажали лѣсъ. Часть вырубить, часть насадить. Вотъ всегда и будетъ, — какъ въ имѣньи здѣсь.

— Въ имѣньи? — Лицо Коровина изображаетъ высшую степень сарказма. — Позвольте васъ спросить, какое ваше занятіе будетъ? — перешелъ онъ вдругъ на вы.

— Занятіе, — сконфузился я. Пишу... въ газетахъ...

— Въ газетахъ... а говоришь, зачѣмъ мужики лѣсъ не сажаютъ...

— Да, вѣдь, помѣщикъ сажаетъ?

— Помѣщикъ? Помѣщикъ, можетъ, на тройкѣ водку ѣздитъ пить къ сосѣду, а мужикъ на одной пашетъ...

Аргументъ былъ такъ неожиданъ, что я промолчалъ.

— У насъ, братъ, картохъ до весны нехватаетъ, а помѣщикъ однѣхъ грушъ возовъ десять въ городъ посылаетъ.

— И у васъ могутъ быть груши...

— Груши, а можетъ и апельцыны?

Упорное повтореніе моихъ послѣднихъ словъ и «апельцыны» окончательно взорвали

меня. Я сдѣлалъ рукой широкій жестъ и не безъ жару произнесъ:

— Да, груши! «Апельцыны» нѣтъ, а грушъ можете имѣть сколько угодно. Вонъ пустырь, и тамъ пустырь, и у вашего дома пустырь. Посадите каждый хоть по дереву — не великъ трудъ — и у всѣхъ будутъ груши.

— Не будутъ.

— Почему не будутъ?

— Ребята переломаютъ.

— А вы огородите.

— Можетъ, и сторожа къ нимъ нанять?

— Зачѣмъ сторожа? Отчего же у нѣмцевъ не только возлѣ домовъ, а всѣ дороги грушами и яблонями обсажены и никто не ломаетъ?

— У нѣмцевъ? Вы видали?

— Видѣлъ.

— Такъ то у нѣмцевъ, у насъ нельзя этого. Не переломаютъ, такъ покрадутъ.

— Кто украдетъ, если у всѣхъ будутъ?

— Ну, ребята обтрясутъ, да зелеными полопаютъ. Вонъ какъ горохъ: Тимохинъ посадилъ — раскрали, у Бобкова покрали, у лавочника и то покрали... Вотъ тебѣ и груши!

— Это вѣрно, покрадутъ, — съ удовольствіемъ подтвердилъ сосѣдъ, внезапно появляясь изъ-за плетня.

Молчаніе.

— Скучаете у насъ? — освѣдомляется онъ съ такимъ видомъ, будто иначе и быть не можетъ, и что скука это тоже одна изъ функцій господина въ пиджакѣ.

— Чего ему скучать? — отвѣчаетъ за меня Коровинъ. — На всемъ готовомъ, читай да гуляй, только и дѣловъ.

И все это безъ малѣйшей ироніи, точно онъ опредѣлилъ меня простой и ясной формулой, давно всѣмъ извѣстной. Я переминаюсь и поворачиваюсь къ клумбѣ, чтобы подготовить отступленіе, но сосѣдъ удерживаетъ меня вопросомъ:

— Листокъ получили?

— Какой листокъ?

— Газету, тоисъ? Я изъ волостного принесъ сегодня, вамъ подъ дверь сунулъ.

— Получилъ, спасибо.

— Нѣтъ ли чего? Насчетъ хуторовъ или такъ?

— Насчетъ хуторовъ нѣтъ. Да, вѣдь, къ вамъ въ воскресенье членъ пріѣдетъ насчетъ хуторовъ, онъ и разскажетъ.

— Разскажетъ, само-собой, да въ листкѣ, чать, все больше... Настоящее, тоись.

— Нѣтъ ничего. Все больше пишутъ, какъ летаютъ. Убился одинъ русскій. Упалъ на дерево и убился.

— Летаютъ, говоришь. Какъ же это?

Я, насколько могъ яснѣе и подробнѣе, сталъ объяснять, какъ летаютъ, кто летаетъ, и для какихъ надобностей, но въ серединѣ разсказа Коровинъ равнодушно меня перебилъ:

— Ни къ чему это. Зря.

Очевидно, онъ повѣрилъ мнѣ, нисколько не удивился и только рѣшилъ, что это «зря».

Я ничего не могъ на это возразить и опять повернулся къ клумбѣ, но, къ счастью, Ѳеня выручила, — появилась въ дверяхъ и сказала: «Пожалуйте кушать».

Ѣмъ. Мухи, какъ пьяныя, кружатъ надъ борщомъ и, такъ какъ онъ слишкомъ горячъ, ѣдятъ меня. За перегородкой на кухнѣ, какъ несмазанные насосы, втягиваютъ въ себя

борщъ Ѳеня съ Аннушкой. Обѣдать со мной вмѣстѣ онѣ не хотятъ. Аннушку, можетъ быть, и удалось бы убѣдить — она любопытнѣе и посмотрѣть, какъ ѣстъ человѣкъ въ пиджакѣ очень интересно, но ея мать чувствуетъ разницу положенія не хуже любой губернаторши и наотрѣзъ отказалась :

— Нѣтъ, мы ужъ на кухнѣ.

— Да почему на кухнѣ, Ѳеня ? Въ комнатѣ прохладнѣе и чище, да и мнѣ вмѣстѣ обѣдать веселѣе.

— Нѣтъ, ужъ мы на кухнѣ.

Когда такое возраженіе съ безнадежно-одинаковой интонаціей повторяется разъ пять, невольно падаешь духомъ и отходишь.

Ѣмъ. Аннушка что-то оживленно шепчетъ матери. Мнѣ очень интересно послушать, но я знаю, что стоитъ мнѣ только встать и подойти къ дверямъ, чтобъ она замолчала. За занавѣской все еще виситъ на рукахъ любопытный мальчишка. Ему ничего не видно, но онъ, очевидно, дошелъ до мысли, что долженъ же я когда-нибудь откинуть занавѣску, — и онъ не

пропустить этого счастливаго момента, хотя бы ему пришлось висѣть такъ до вечера. А тамъ, у колодца, мутными пятнами сквозятъ на травѣ фигуры ожидающихъ. Точно у кассы Художественнаго театра...

Борщъ становится все прѣснѣе и безвкуснѣе, и я въ раздраженіи думаю, что деликатность должна бы быть врожденнымъ качествомъ и совершенно отъ культуры не зависѣть, и что голова мальчишки черезъ минуту проломитъ стекло и въ припадкѣ ужаса застрянетъ между выгономъ и комнатой. Подхожу къ окну, отдергиваю занавѣску и въ упоръ смотрю на мальчика. Ему всего четыре года. Въ первыя мгновенья онъ изумленно смотритъ на меня, какъ на летающую лошадь, но черезъ минуту не выдерживаетъ, кубаремъ слетаетъ на траву и реветъ. Остальные, какъ воробьи, перепархиваютъ по землѣ и бокомъ подбѣгаютъ къ окну. Въ эту минуту Ѳеня вноситъ картофельныя котлеты. Но ребятамъ такъ и не суждено было увидѣть, какъ я ихъ ѣмъ— она распахнула окно и рѣшительно вступилась за мои интересы:

— Озорники! Не видали, какъ человѣкъ ѣстъ, что ли? Пошли прочь!

Никакого впечатлѣнія.

— Пошли прочь, говорю!... А то возьму хворостину...

Магическое слово вызвало знакомый образъ и подѣйствовало. Они ушли, а я виновато вздохнулъ. Пусть бы смотрѣли, — смотрю же я часами, какъ овцы щиплютъ траву: для меня ново, а овцамъ, быть можетъ, тоже непріятно.

Въ улочкѣ за колодцемъ оживленіе. Къ третьему домику слѣва подъѣхала телѣга. Мужикъ сбросилъ на траву гробъ. Подходятъ бабы, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются дѣти, но къ самому дому никто близко не подходитъ.

— Что тамъ такое, Ѳеня?

— Харитонъ померъ.

— Отчего?

— Сибирка. Корову дралъ, вотъ и пристала.

— Что жъ, онъ лѣчился?

— Дурной онъ. Кабы лѣчился, какъ слѣдуетъ, выжилъ бы... Восемь дёнъ въ боль-

ницу не шелъ, а на девятый пришелъ, рука вся напухла, какъ колбаса гнилая...

Она ставитъ на столъ кисель и продолжаетъ:

— Вылѣчился бы, ничего... Шпринцовали его тамъ, черезъ день полегчало, да баба дура испугалась, что помретъ, положила его вчерась на телѣгу и повезла причащать. Нашъ попъ хворый, повезла къ другимъ...

— Ну и что жъ?

— Митрохинскій въ городъ уѣхалъ... Покровскій забранилъ, зачѣмъ поздно привезла, прогналъ, — повезла въ Хомутово, да лошадь заморилась — стала. А тутъ дождь пошелъ. Бѣда... Привезла его домой, свѣтать стало, а онъ не дышитъ... Что жъ вы киселя не ѣдите?

— Спасибо. Не хочется. Что жъ, корову закопали?

— Кому охота! — презрительно фыркаетъ Ѳеня. — Въ оврагъ сволокли — и то спасибо.

— Да, вѣдь, все стадо заразиться можетъ!

— Имъ что? Шкура снята, хозяинъ свое получилъ, чего еще? Покойника вотъ боятся.

Обмыть надо, да бабы боятся — не идутъ. Кисель убрать, что ли?

— Уберите.

Однако не всѣ боятся. Вотъ въ избу вошла одна, другая, и вся толпа придвинулась ближе.

Мухи, отяжелѣвъ отъ обѣда, съ удручающимъ упорствомъ вяло опускаются на мое лицо. Вспоминаю, что, можетъ быть, часъ назадъ онѣ сидѣли на рукѣ Харитона и наливались... Бррр!.. Взмахиваю руками и начинаю шагать по комнатѣ: мухи оставляютъ меня въ покоѣ и головами внутрь собираются въ черные живые круги надъ каплями борща.

За перегородкой Аннушка ожесточенно вычерпываетъ кисель. Подхожу на цыпочкахъ и смотрю въ щель: ишь ты! Щеки въ киселѣ, носъ въ киселѣ, глаза сіяютъ, засунетъ ложку въ ротъ до самого черенка, потомъ оближетъ ее изнутри и снаружи и опять въ тарелку.

— Вкусно?

Аннушка подымаетъ голову и улыбается. Положительно здѣсь, въ деревнѣ, по особенному улыбаются, — не улыбка, а какая-то эссенція улыбки. Мать сдержаннѣе: шевель-

нула углами рта и ласково покосилась на дочку. Мнѣ досадно, что разговоръ оборвался. О сибирской язвѣ и о Харитонѣ, положимъ, не аппетитно слушать, но Ѳеня удивительно разсказываетъ. Интересны не самыя слова, а то, что за ними: все совершенно опредѣленно, твердо и съ оттѣнкомъ снисходительности къ собесѣднику. Точно это Платонъ бесѣдуетъ, а не жена безногаго сторожа.

— Скажите, Ѳеня, гдѣ лучше, въ городѣ или въ деревнѣ?

— Какъ кому. Вамъ въ городѣ, чай, лучше.

— Почему вы думаете?

— А какъ же? Въ гости сходить, или къ вамъ придетъ кто... подходящій.

Гмъ... подходящій. Ошиблись, другъ мой, сижу дома, какъ сычъ, а если кто и придетъ, такъ совсѣмъ не «подходящій»...

— А вы въ городѣ были?

— Была. Одинъ разъ была, — сказала и разсмѣялась.

— Чего вы?

— Да такъ.

— Что такъ? Вы разскажите какъ слѣдуетъ.

— Смѣшно ужъ очень! Послѣ свадьбы года съ два время прошло, а я-то со своимъ и недѣли не пожила. Поженили его, да на шахты, въ дому и безъ него два брата, онъ выходилъ лишній. Два года, значитъ, прожилъ на шахтахъ и заскучалъ: пишетъ письмо, чтобъ я къ нему пріѣзжала немедля и денегъ прислалъ на билетъ...

— Ну-те...

Ѳеня перетираетъ кастрюлю и ждетъ, пока Аннушка долижетъ тарелку и уйдетъ въ садъ.

— Еле добралась. Сперва кондукторъ подлый попался, хотѣлъ ссадить меня на станціи, гдѣ ему смѣна была. Здѣсь, говоритъ, тебѣ слѣзать, а я неграмотная была тогда...

— Зачемъ слѣзать? — не понялъ я.

— Да такъ... — Ѳеня конфузится: — Красивая я была... Слава Богу, люди заступились, прочитали билетъ, а то бы бѣда... Пріѣхала въ городъ и съ письмомъ пошла на шахты. Грязно какъ, Боже спаси, уголь на зубахъ хруститъ, трубы какія-то да сараи, люди,

какъ черти, вымазавшись ходятъ. Иду съ письмомъ, дорогу спрашиваю, а шахтеры въ тотъ часъ въ казармахъ отдыхали. Показали казарму, гдѣ мой Михаилъ былъ. Только чувствую, что не помню, какой онъ изъ себя, хоть убей, не помню! Да и то сказать: долго ли мы съ нимъ и пожили-то? Забыла. Испужалась я до смерти тогда. Одна, никого не знаю, денегъ рубль, народъ кругомъ озорной. А все иду, — чего станешь дѣлать?

Она перевела духъ и остановилась, и по лицу ея совсѣмъ не было видно, что это ей даже и теперь «очень смѣшно».

— Какъ же вы его нашли?

— Богъ спасъ. Взошла въ казарму, въ глазахъ темно стало, лежатъ на полу шахтеры, какъ дрова, черные всѣ — можетъ, триста ихъ тамъ было; и всѣ, какъ одинъ. Спросить боюсь, дрожу; а вдругъ покажутъ, а онъ вовсе и не мужъ мнѣ, — я одна, ихъ полна казарма, что дѣлать? Погубятъ. Только обхожу я ихъ такъ, да глянула вдругъ на одну рубашку и признала. Сама вышивала, только къ Успенью послала, — какъ свою работу не

признать? Ну и не ошиблась, дѣйствительно мужъ оказался. Смѣялись потомъ очень.

— А если бъ ошиблись?

— Такъ бы и пропала.

Это было сказано такъ увѣренно и просто, что я на мгновенье задумался, представилъ себѣ всю картину и невольно повторилъ: «такъ бы и пропала».

Ложки и тарелки вымыты, столъ тоже. Ѳеня беретъ свое лукошко, въ которомъ она приноситъ овощи, и кличетъ дочь: «Куды пропала? Домой надо». Потомъ поворачивается ко мнѣ и безразличнымъ голосомъ, точно она не мнѣ все это только что разсказывала, а стѣнкѣ, говоритъ:

— Прощайте. Тамъ у насъ баба цыплятами называется *). Принести что ль?

— Нѣтъ, не надо.

— Ну что жъ.

Аннушка привѣтливѣе и, уходя, оборачивается:

— Я тебѣ завтра розанъ принесу.

---

*) Предлагаетъ купить.

— Распустился уже?

— Распустился. Во какой розанъ!

— Спасибо.

Ушли. Я опять на крыльцѣ. Сижу уже безконечно долго. Приходили цыплята и клевали пшено прямо изъ рукъ. Приходилъ Шарикъ и съѣлъ на зависть всѣмъ сосѣдскимъ собакамъ (и, кажется, не только собакамъ) гущу отъ борща съ хлѣбомъ. Потомъ ребята разошлись и, щеголяя передо мной и другъ передъ другомъ, показывали разныя штуки: цѣплялись ногами за жердь между двумя ракитами и висѣли внизъ головой, пока глаза не вылѣзали на лобъ, боролись, плевали Шарику между глазъ, — потомъ имъ надоѣло, и они ушли на другой конецъ выгона, усѣлись тамъ въ кружокъ и затѣяли какую-то таинственную игру. И справедливо. Ни о какихъ настроеніяхъ они не слыхали, — стоитъ ли зря занимать человѣка, который утромъ самъ лаялъ и ходилъ на головѣ, а къ концу дня сидитъ, какъ палка, и даже не вынесетъ ни одной котёлки или леденца...

Вѣтеръ далеко за улочкой взбилъ пыльный смерчъ и погналъ къ крыльцу. Харитона давно увезли и зарыли... Западъ порозовѣлъ, и первая овца, низко наклоняя голову къ землѣ, протрусила изъ-за дальняго поворота улицы къ колодцу. За ней бѣжала частой рысью и непрерывно повизгивая черная поджарая свинья, за ней еще овца, которая бѣжала ровно, но вдругъ сбивалась на какіе-то странные прыжки и четко обѣими передними ногами хлопала о землю, потомъ точно плотина прорвалась: колыхались черныя, сѣрыя и бѣлыя овечьи спины, скрипѣлъ кашель, звенѣло дѣтскимъ плачемъ блеянье, какія-то необыкновенно нервныя свиньи мчались во весь карьеръ, не останавливаясь, и такъ же визжали, какъ первая, — собаки, сидя у своихъ воротъ, коварно отворачивались въ сторону и вдругъ неожиданно кусали то ту, то другую свинью за задъ или бокъ, свиньи отскакивали и въ ужасѣ мчались назадъ, поросята пищали подъ ногами у овецъ и разыскивали взрослыхъ, — а надъ всѣмъ этимъ живымъ, хрюкающимъ и блеющимъ потокомъ въ волнахъ

оранжевой пыли заходило солнце. Хозяйки выходили къ воротамъ съ хлѣбомъ въ рукахъ и кричали: «тпруси, тпруси», — и овцы бѣжали на зовъ, дѣти хватали самыхъ маленькихъ и глупыхъ ягнятъ и тащили домой... Разыгрывалась какая-то овечья и поросячья симфонія. Я сидѣлъ неподвижно на крыльцѣ, какъ и въ прошлые дни, и послѣднимъ пальцемъ ноги чувствовалъ: «Вотъ, наконецъ, настоящее... близкое до конца». Радовался такъ, словно сквозь щелку въ рай заглянулъ. Не правда ли странно? До сихъ поръ для меня это было то же, что «водопой жирафовъ въ Сенегамбіи», — почему же съ перваго взгляда это стало такимъ же органически цѣннымъ и обычнымъ, какъ... какъ стихи Пушкина?..

Пробѣжала послѣдняя овца. Какъ всегда, иду съ ведромъ къ колодцу: надо поливать цвѣты. Какъ всегда, одна изъ бабъ, которая тоже пришла съ ведромъ, настойчиво хочетъ сдѣлать это за меня, — ибо таcканіе ведеръ изъ колодца не было, по ея понятію, функціей человѣка въ пиджакѣ. Но я огорчилъ бабу,

бросилъ ведро въ черную пасть и съ силой дернулъ за колесо.

Мимо возвращались съ работы подростки и взрослые. Одни фыркали, другіе улыбались. Одни кланялись, другіе не знали, кланяться или нѣтъ, третьи враждебно въ упоръ смотрѣли въ лицо и точно говорили: «думаешь, поклонюсь? На-кось, выкуси». Все это, какъ обычно, смущало, и я былъ радъ, когда очутился съ ведромъ въ саду... Сухая земля жадно пила воду. Стебли колыхались подъ струей, запахъ мокрой зелени и земли радовалъ такъ, словно самъ я изсохъ отъ зноя, и меня поливали... Такъ. Больше ни капли.

Задвинулъ засовъ, зажегъ лампу. Долго барабанилъ по столу и смотрѣлъ въ окно... Ясныя деревенскія картинки, которыя пестрѣли въ оконныхъ рамахъ утромъ, исчезли, — за окнами сизая мгла, послѣдніе угли заката, и со всѣхъ сторонъ умирающія дали. Спятъ куры, овцы, собаки, дѣти, дремлютъ мухи на потолкѣ и сонно жужжатъ, словно кто тихо играетъ на гребенкѣ, укладываются бабы и мужики, и черезъ часъ на много верстъ все

уснетъ. Даже сторожъ съ колотушкой погремитъ, пока всѣ не легли, а потомъ повалится на траву и захрапитъ. И отлично. Стихотвореніе въ прозѣ: спящая деревня, одинокій индивидуалистъ въ пиджакѣ, Katzenjammer и рѣшеніе задачи на тему, — «отчего люди живутъ, какъ свиньи»... Къ чорту! И еще разъ къ чорту! Такой хорошій день, и вдругъ къ вечеру легкій приступъ морской болѣзни. Нервы... надо бороться. А вдругъ не нервы? И даже навѣрно не нервы...

Конечно, можно написать письмо, если есть кому и о чемъ. Конечно, можно пришить пуговицу къ жилету, который ждетъ этого вторую недѣлю: къ тому же, во-первыхъ, каждый обязанъ, по возможности, дѣлать все самъ; во-вторыхъ, трудъ наполняетъ время и... Еще нюансъ: скребетъ мышь.

Подхожу къ полкѣ и долго не знаю, какую книгу буду я сегодня читать. Потомъ закрываю глаза, пробѣгаю пальцами по корешкамъ, какъ по клавишамъ, и вытаскиваю — Верлэна. Въ головѣ пробѣгаетъ дикая мысль: что́ если позвать сторожа съ колотушкой и попробовать

своими словами разсказать ему что-нибудь изъ этой книги, ну хоть Коломбину? Позвать?.. О, какъ дико, какъ дико, — или среди тишины умирающаго вечера недостаетъ еще истерики, и надо, чтобы куры, собаки, дѣти проснулись и сбѣжались подъ окна?.. Сколько посторонней дряни живетъ подъ черепомъ...

Я тихо сижу за столомъ, и все во мнѣ замираетъ. Я повторяю простыя удивительныя слова незнакомаго мнѣ человѣка, давно мертваго, — слова, которыя я нашелъ въ его книжкѣ, раскрывъ ее наугадъ:

Les sanglots longs
Des violons
De l'automne
Blessent mon coeur
D'une langueur
Monotone.

Я радуюсь, что былъ такой человѣкъ, мнѣ безконечно жалко, что онъ никогда больше не увидитъ даже того, что видитъ простая овца, — а кому видѣть, кому видѣть и слышать, какъ не ему! Я опять и опять повторяю его

слова, закрываю глаза, и вдругъ, содрогаясь, широко раскрываю ихъ. Кто-то рѣзко ударилъ въ раму, окно распахнулось, дрожащая сѣрая рука отодрала занавѣску, и красная пьяная голова сосѣда тупо и изумленно уставилась на меня.

— Драстуй! Съ тобой пришелъ по-го-ворить... Лампа горитъ. Думаю, скучно ему, дай поговорю... Барринъ, заоралъ онъ вдругъ на всю деревню, — ты думаешь, я пьянъ, такъ не мо-ггу говорить. Моггу! Все могу...

— Я вамъ вѣрю. Только не надо такъ кричать, — вы всю деревню разбудите. Зайдите въ комнату, будемъ чай пить, поговоримъ.

— По-го-ворить? А може я съ тобой не желаю говорить? Ты кто такой? Думаешь, лампу зажегъ, такъ и барринъ... Нѣтъ, братъ...

— Зачѣмъ вы такъ кричите? Вы бы пошли домой... Хотите, я васъ отведу, вамъ бы лучше уснуть.

— Не желаю. «У московскихъ у варотъ, есть налѣво па-ва-ротъ»....

— Не кричите, пожалуйста. И ступайте отсюда вонъ!

— Не желаю. Самъ пошелъ къ......!

Тогда я наклоняюсь къ самымъ его глазамъ и медленно и твердо произношу:

— Пошелъ вонъ, пьяная морда, слышишь!

Онъ понялъ.

— Барринъ! Доррогой мой! Правильно, послѣдняя свинья я, пьяный песъ и негодяй! Я тебѣ завтра пѣтуха зарѣжу, какого хошь, — сказалъ и зарѣжу... Потому ты не брезгаешь. Я понимаю, я, братъ...

Онъ ушелъ въ тьму, продолжая выкрикивать какія-то безсвязныя жалкія слова о моихъ добродѣтеляхъ и своихъ порокахъ и вдругъ опять заоралъ на весь выгонъ:

У московскихъ у варотъ
Есть налѣво па-варотъ...
Мы еще даля пайдемъ...

Но подошелъ караульщикъ, который до того, не желая отнимать у себя рѣдкаго раз-

влеченія, не вмѣщивался въ его діалогъ со мной, и повлекъ его куда-то.

Опять тишина. Я сбросилъ Верлэна на полъ и вышелъ на крыльцо. Посреди дороги чернѣло какое-то чудовище. Подошелъ ближе: борона, зубьями кверху. Должно быть, сосѣдъ загулялъ и забылъ убрать. Если кто наѣдетъ въ темнотѣ, — лошадь, чего добраго, ноги переломаетъ, — она-то во всякомъ случаѣ не виновата. Оттащилъ въ сторону, и оглянулся. Всталъ молодой мѣсяцъ. Черныя ракиты глухо шумѣли у темныхъ избъ. Передъ больницей желтѣлъ одинокій фонарь... Всѣ спятъ. Въ избѣ у сосѣда темно и тихо. Должно быть, его сволокли въ пожарный сарай — до утра очухается... Что жъ, у кого водка, у кого Верлэнъ. Причина одна... Да и самъ господинъ Верлэнъ не оттого ли и пилъ, что слишкомъ больно писать иныя строки?

Спать, спать, спать.

* * *

Прошли недѣли... Тихіе такіе дни. Утромъ проснешься, какъ новорожденный, закроешься

отъ мухъ кисеею и, улыбаясь, смотришь, какъ онѣ ползаютъ надъ самыми зрачками, громадныя такія, какъ крокодилы. Цыплята пищатъ на крыльцѣ, а за занавѣской дежуритъ знакомый кудлатый мальчикъ: я вижу, кто такой, а онъ меня не видитъ.

Всякій пустякъ, всякое знакомое съ дѣтства движеніе пріобрѣтаетъ новый, радостный, хочется сказать, лирическій характеръ. Со вкусомъ натягиваешь сапоги, со вкусомъ умываешься, и глаза смотрятъ не въ эмалированный тазъ, а въ траву, утыканную желтымъ коровникомъ. Чай въ саду вкуснѣй меда. Цыплята лѣзутъ въ тарелку и щиплютъ хлѣбъ, Шарикъ слѣдитъ за каждымъ глоткомъ, вздыхаетъ, облизывается, ребята висятъ на заборѣ и завидуютъ. Словомъ, комическая идиллія во вкусѣ «Fliegende Blätter»... Потомъ купаешься въ прудѣ, объѣдаешься лѣсной земляникой... Стоитъ только часъ, другой пролежать въ рощѣ или у пруда, какъ сейчасъ же вокругъ открывается новый рынокъ: несутъ землянику, грибы, кто норовитъ продать свой складной ножъ, кто ежа. Пой-

маетъ и тащитъ ко мнѣ: купи. Куда онъ мнѣ? Но они знаютъ: «А ты, какъ намедни, купи да выпусти»...

— А вы опять поймаете, и мнѣ продадите?

— Знамо! — и сами хохочутъ.

— Куда вамъ деньги?

— Мало куды! Гостинцевъ купить, подсолнуховъ...

— Подсолнуховъ? Вы бы весной посадили горстку сѣмячекъ въ огородѣ, — и покупать не надо.

— Посадилъ одинъ такой! А лѣтомъ что лущить-то?

— Осенью соберешь, и на лѣто хватитъ.

— Какъ же! Хватитъ! Все равно мамка продастъ. Ты вотъ за грибы пятакъ далъ, она увидала, себѣ взяла.

— Зачѣмъ же взяла? Вѣдь ты собиралъ?

— Что жъ, что я: ей деньги нужнѣй...

Слушаешь, слушаешь, встанешь, отойдешь будто такъ себѣ за стволы, и заросшимъ оврагомъ улизнешь отъ нихъ въ такую глушь, что и вѣтеръ не сыщетъ.

Лежишь и представляешь себѣ: я мужикъ, у меня три десятины земли (средній мѣстный надѣлъ), жена, корова, лошадь и прочія принадлежности. Домикъ бѣленькій, ставни зелененькіе, съ вырѣзанными сердечками посерединѣ, передъ домикомъ шиповникъ (изъ оврага сколько хочешь пересадить можно) и мальвы. Надъ окнами рѣзные наличники, какъ въ альбомахъ кустарныхъ художествъ (здѣсь ни у кого), у дверей скамейка со спинкой, — не сидѣть же на землѣ, какъ они... Въ саду груши, яблони, смородина, малина, ульи и проч. Въ огородѣ огурцы, рѣпа, горохъ, свекла, фасоль и т. п. прекрасныя растенія. Фасоль, напримѣръ, и горохъ питательнѣе ржи, въ случаѣ засухи ихъ можно поливать, а въ огородахъ у мѣстныхъ крестьянъ кромѣ «картохъ» и конопли ничего... Лука нѣтъ. Громадныя пространства обросли татарникомъ, полынью и еще какой-то бурой дрянью. Объ оврагахъ и говорить не стоитъ... Такъ думаю я, закрывъ глаза, и представляю себѣ, какъ удивляются всѣ крестьяне не только въ селѣ, но и во всемъ округѣ. Какъ сначала

завидуютъ потомъ начинаютъ подражать...

Да, да, совершенно серьезно: я твердо вѣрю, что если и не будутъ подражать, то все это каждому лично можно устроить. Зачѣмъ другому, можетъ быть мнѣ? Купить въ разсрочку три десятины... нанять работника, садовника, агронома, маляра... Отъ этой простой, но ядовитой мысли вся идиллія сворачивается, какъ молоко отъ жары. Доводы противъ такъ и обгоняютъ другъ друга... Хотя бы... хотя бы... то, что разсказывала на-дняхъ фельдшерица. Крестьяне ее очень любятъ, и она ихъ очень любитъ и возится съ ними двадцать съ лишнимъ лѣтъ. Но она кромѣ крестьянъ любитъ еще лиліи и бѣлыя розы, и насадила ихъ за амбулаторіей вдоль карниза. Какіе-то необыкновенные сорта выписала. «Царицу весны», или какъ-то въ этомъ родѣ. И вотъ, мало того, что они и онѣ (взрослые, какъ клятвенно свидѣтельствовалъ сторожъ) неуклонно ходятъ туда гадить, хотя для этого устроенъ для нихъ павильонъ, — какой-то дьяволъ взялъ, да и выворо-

тилъ эту «Царицу весны» съ корнями и втопталъ въ землю. Словно не человѣкъ, а носорогъ. Фельдшерица такъ огорчилась, что и словъ не находила. Пришелъ къ ней чай пить, а она сидитъ и повторяетъ:

— Зачѣмъ они это сдѣлали? Ну, зачѣмъ?..

Вотъ и обзаводись зелеными ставнями съ сердечками, мальвами и проч...

Такъ, подъ орѣшникомъ въ оврагѣ домечтаешься и довозражаешь себѣ до того, что устанешь и уснешь, какъ жукъ въ сѣнѣ.

. . . .

Сегодня былъ особенно пестрый день. Утромъ зашелъ въ школу. Сторожъ Игнатъ, маленькій лысый человѣчекъ, на круглыхъ ногахъ, далъ мнѣ ключъ отъ шкапа съ инструментами и показалъ, какъ надо строгать. Сначала начерно «шершебелемъ», потомъ рубанкомъ и наконецъ самой большой штукой — фуганкомъ. По-моему, всѣ они рубанки, только одинъ побольше, другой поменьше. Но Игнатъ категорически заявилъ:

— Не, какъ же можно. Названія дана каждому своя. Скажемъ, теленокъ и корова, по-

рода одна, а названія разная... Какъ же безъ названія!

Я убѣждаюсь. Рубанокъ ёрзаетъ вправо и влѣво. Игнатъ сидитъ на сосѣднемъ верстакѣ и съ увлеченіемъ командуетъ:

— Ровно надо! Сначала толкани, опосля ровно! Чтобъ стружка ровная, не рватая. Во какъ! Во какъ! Во какъ!

Собственно, было бы гораздо лучше, если бы онъ ушелъ, и стружка была бы тогда не «рватая», и рубанокъ шелъ бы ровнѣе. Но Игнатъ не понимаетъ, что люди въ пиджакахъ, когда смотрятъ на ихъ работу, начинаютъ волноваться и нервничать. Я искромсалъ доску, усталъ и бросилъ ее. Тогда Игнатъ слѣзъ съ верстака и въ десять легкихъ взмаховъ, выгладивъ ее, повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Во какъ надо! Вещь не хитрая...

«Можетъ быть, дорогой мой... можетъ быть... Я, вотъ, отъ рожденія рубанка въ рукахъ не держалъ, а ты всю жизнь съ нимъ провозился, и все-таки я въ пять, шесть разъ перейму эту «нехитрую вещь», а ты попробуй:

не хочешь ли подарю тебѣ, ну хоть Евгенія Онѣгина, — съ рисуночками даже для облегченія, — осиль его, другъ... До самой смерти не осилишь, хоть трехъ приватъ-доцентовъ по русской словесности для разъясненія къ тебѣ приставить» !

Этакая дрянная, гаденькая мысль... мелькнула и скрылась, какъ судорога. Откуда она пришла? Почему за секунду до того ея не было, и путей къ ней даже не было?

Въ школьной залѣ глухой стукъ, жужжаніе, и кто-то поетъ тоненькимъ голоскомъ.

— Что тамъ, Игнатъ?

— А ткачихи — толкачевская Дуня да Саша плотникова, — пренебрежительно отвѣчаетъ сторожъ, — акушеркѣ полотенца ткутъ.

Вхожу и здороваюсь. Дуня похитрѣе : лисье личико, быстрые глаза, худенькая. Одной рукой колесо вертитъ, другой катушку придерживаетъ, нитки мотаетъ. Остановилась и пѣть перестала. Саша посолиднѣе: опустила глаза на холстъ, стучитъ станкомъ и головы не подымаетъ. На обѣихъ платки до глазъ.

— Что жъ вы, Дуня, не поете ?

— Уйдете, запою.

— Развѣ я вамъ мѣшаю?

Переглядывается съ Сашей и прыскаетъ.

— Ну, что жъ. Мѣшаю, такъ уйду!

— Что вы ее слухаете, — возмущается Игнатъ. — Ишь ты принцесса кака, — «уйдете, запою». Интересно имъ, чего не поешь, языкъ отвалится, что ль?

— И безъ васъ спою, дяденька. Вашего носа здѣсь не спрашивается.

— Носа! — Игнатъ обижается. — Цаца кака нашлась. Сговоришь съ тобой, какъ же...Тьфу!

Слава Богу, ушелъ. Прямо наказаніе, безъ толмачей и чичероне шагу не ступишь.

— Вы не уходите, — я такъ... — дружелюбно обращается ко мнѣ Дуня.

Я сажусь на скамью.

— Что это вы пѣли?

— Пѣсню.

— Какую?

— Да такъ, пѣсня. Деревенская.

— А вы разскажите мнѣ ее.

— Зачѣмъ вамъ?

— Интересно. Городскія знаю, а вашихъ нѣтъ. Разскажите, а я запишу.

«Запишу» озадачило ее.

— Зачѣмъ писать, я такъ скажу.

— Лучше ужъ я запишу, а то все забуду. Съ собой въ городъ повезу, память будетъ.

Пошепталась съ Сашей, подумала и рѣшительно тряхнула головой.

— Пишите. Какую, Саша, сказывать?

— «Пріѣхалъ гусарикъ», — тихо отвѣчаетъ Саша, не отрываясь отъ работы...

— Только рѣчами трудно сказывать...

— Такъ вы пойте. Вотъ какъ до меня, и нитки свои мотайте. Я не хочу вамъ мѣшать.

Дуня смутилась и пѣть отказалась: — Пишите:

Пріѣхалъ гусарикъ
Изъ новаго пóлку.
Недавно пріѣхалъ,
Опять уѣзжаетъ.
Его расхорошая
Плачетъ и рыдаетъ,
Плачетъ и рыдаетъ,
На ночь оставляетъ.

Пѣсня была длинная, глупая, отзывалась какимъ-то особымъ, лакейско-писарскимъ романтизмомъ. Диктовала Дуня превосходно. Кружила колесо и косилась глазомъ на мой карандашъ, чтобы не поспѣшить и не отстать. Записалъ.

— Хороша ?

— Нѣтъ, не хороша.

— Вотъ видите, а сами просите...

— Вы не сердитесь, Дуня. Вѣдь пѣсня-то не ваша ?

— Шахтерская.

— Вотъ видите ! А вы скажите вашу, деревенскую.

Опять пошептались.

— Пишите :

Горько мнѣ, горько калинушку кушать,
Горчѣй того нѣту за старымъ за мужемъ.
За старымъ за мужемъ ни игры, ни потѣхи,
Ни тихоговорья, ни ласковаго слова.
Онъ спать ложится, какъ дубъ валится,
Распустилъ свои сопли по моимъ по
подушкамъ...
Сладко мнѣ, сладко малинушку кушать,

Лучше того нѣту за младымъ за мужемъ.
За младымъ за мужемъ игра и потѣха
И тихоговорье и ласковое слово.
Онъ спать ложится, какъ голубь гуркуетъ,
Распустилъ свои кудри по моимъ по подушкамъ.

Я, затаивъ дыханье, записывалъ эту удивительную пѣсню. Даже ужасныя «сопли» не оскорбили уха.

— И эта скажете нехороша?

— Такъ хороша, что лучше и не надо!

— Правда? — недовѣрчиво спросила Дуня. — Такъ вамъ нравится?..

— А вамъ?

— Пѣсня ничего. Ваши все лучше.

— Какія наши?

— Городскія. «Чуденъ мѣсяцъ»...

— «Ахъ зачѣмъ эта ночь»... — робко подсказала Саша.

— Гм... Нѣтъ, вы лучше свои разсказывайте!

— Еще есть одна «Трансваль», знаете?

— Нѣтъ.

Трансваль, Трансваль, — страна моя,
Горишь ты вся въ огнѣ.
Подъ деревомъ развѣсистымъ
Задумчивъ буръ сидитъ...

— Подождите, Дуня! Что такое «Трансваль»?

— Это такъ, зря, безъ вниманія.

— Какъ безъ вниманія?

— Почемъ я знаю! — Дуня переглядывается съ подругой и обѣ фыркаютъ.

— А буръ, кто же это такой?

— Насмѣхаетесь вы, я сказывать не стану...

— Совсѣмъ не насмѣхаюсь. Интересно только, какъ же вы это поете и не знаете, что.

Надулась. Съ трудомъ успокоилъ ее и кое-какъ объяснилъ, что такое Трансвааль и буръ, но на дѣвушекъ это произвело такъ же мало впечатлѣнія, какъ авіація на Коровина. Я сталъ осторожнѣе и критическихъ замѣчаній больше не высказывалъ.

Игнатъ вдругъ заглянулъ въ дверь и поманилъ меня. Я подошелъ. — Чего вамъ?

— Вы имъ, баринъ, на полушалокъ дайте, онѣ и не такія пѣсни вамъ докажутъ...

— Хи-хи! — Онъ весь сморщился и захихикалъ: — веселыя есть, убей Богъ!.. Онѣ знаютъ:

Дѣдъ и баба разговлялись:

Ѣли кашу съ молокомъ...

Слѣдующія двѣ строки, которыя онъ выдавилъ изъ себя, захлебываясь отъ смѣха, были совершенно неожиданны и нецензурны.

— Такихъ мнѣ не надо...

— Не надо? Я думалъ, интересуетесь. Еще хотѣлъ васъ спросить: пятаковъ старинскихъ, не возьмете ль? Катерининскіе... У меня много!

— Откуда у васъ?

— Да такъ, жена держитъ. Отъ ломоты очень помогаетъ, ежели воду съ нихъ пить. Да куды ихъ столько? Я бы десяточекъ продалъ, она не узнаетъ.

— Нѣтъ, не надо. А отъ ломоты вы бы лучше у доктора полѣчились, больница рядомъ. Вы сколько лѣтъ сторожемъ въ школѣ?

— Шешнадцать.

— Грамотны?

— А то какъ же!

— Вотъ видите! А настойку на пятакахъ пьете.

Игнатъ озадаченъ: — Что жъ, что пью. Многіе пьютъ... Такъ не возьмете?

— Нѣтъ, не возьму.

Возвращаюсь.

— Чего это онъ васъ звалъ?—спрашиваетъ Дуня.

— Такъ... Пятаки старые продать хотѣлъ.

— Купили?

— Нѣтъ, не купилъ.

— Куды ихъ, старые-то! Новыхъ бы поболѣ было.

— Что-жъ бы вы съ ними дѣлали, если бъ много было?

Дуня быстро переглядывается съ Сашей.

— Смѣетесь? Съ деньгами и дуракъ умный. Въ городъ бы уѣхала, вотъ что.

— Развѣ здѣсь плохо?

— Здѣсь... Чего здѣсь дѣлать — вшей кормить, что ли? — грубо обрываетъ меня Дуня. — Замужъ сбудутъ. Мужа на шахты, меня въ хомутъ... Не видали что ли, сколько здѣсь

бабъ-то въ родѣ монашекъ? Мужа нѣтъ, а съ кѣмъ хошь за грошъ...

Саша еще ниже склоняется къ станку и дергаетъ Дуню за подолъ.

Пауза.

— Ну что же, продиктуйте еще что-нибудь, — робко прошу я.

— Пишите:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ липовыхъ кореньевъ...
Изъ-подъ липовыхъ кореньевъ
На мое ли раззоренье...

Ахъ, какая пѣсня! Но слѣдующая была, какъ ударъ по уху,—шедевръ армейско-базарной сентиментальности: объ «ахвицерикѣ молодомъ», который «ножкой топнулъ, ручкой хлопнулъ по бѣлу Машу лицу». — «Очень, стало быть, лихо хлопнулъ!» восторженно объяснила Дуня. Записалъ еще и еще, и всѣ прекрасныя пѣсни были деревенскія, а всѣ безсмысленныя или хамскія были городскія, развѣ кромѣ «Коробушки» и еще одной, двухъ.

Такъ вотъ что поютъ они по вечерамъ, раскачивая нехитрыя, но неуловимыя мелодіи съ необыкновенной быстротой, или тягуче и хрипло повышая ихъ до пьянаго крика... Я бы записалъ еще, но Игнатъ сталъ въ дверяхъ, разставивъ свои кривыя ноги, потомъ пришелъ маляръ, который красилъ въ школѣ крышу, и тоже застрялъ въ дверяхъ, заглянула въ окно мимоидущая баба и завязла въ немъ съ раскрытымъ ртомъ. Пришлось уйти, да и Дуня застыдилась и замолчала.

Я долго сидѣлъ на скамьѣ, у школы, и перечитывалъ свои пѣсни, скажу правду, не менѣе горячо, чѣмъ Верлэна. Такъ вотъ какъ «они» чувствуютъ природу...

«Вѣтеръ вѣтерочекъ, вѣтеръ тоненькій
голосочекъ...»

А вы, милордъ, жили бокъ о бокъ и думали...

— Здравствуй, милай!

Подымаю голову: ахъ, это сосѣдъ!

— Здравствуйте.

Послѣ того злополучнаго вечера онъ сегодня въ первый разъ со мной поздоровался.

— Ну, что, какъ порѣшили ?

— Это насчетъ хуторовъ-то ? — Сосѣдъ уныло плюетъ наземь. — Шутъ ихъ знаетъ ! Не пожелали сперва, да членъ урезонилъ. Согласились... А теперь ходятъ, ругаются.

— А вы-то сами довольны ?

— Мнѣ что. Куда люди, туды и я.

— Какъ же такъ ? Если всѣ такъ будутъ говорить, то и схода не надо.

— Кто его знаетъ, може и не надо. Съ весны намъ переселяться, пособіе дадутъ — на много ль его хватитъ ? Избы у насъ все болѣ кирпичныя, вотъ горе ! Срубъ перевезешь, а кирпичъ станешь разбирать — побьешь половину. Опять же овцы. На хуторахъ, братъ, шабашъ ! Теперь самый бѣдный, какъ я, скажемъ, овцы три, либо пять держитъ... Общество.

— А вы въ хлѣву держите, какъ... въ Германіи, — спотыкаюсь я.

— Въ хлѣву... А кормить чѣмъ ? Теперь, скажемъ, выгонъ да овраги...

— Клеверъ сѣйте, — авторитетно совѣтую я — сѣмена земство даромъ даетъ. Чего луч-

ше! Управляющій въ экономіи обходится же безъ выгона.

— Обошелся! Съ этого самаго клевера два теленка у него поколѣло, — злорадно сообщаетъ онъ.

— Обожрались, можетъ быть?

— Тамъ съ чего, это дѣло не наше, а клеверъ-то вотъ и оказался!

Увы, черезъ триста лѣтъ будутъ помнить въ селѣ только этихъ двухъ телятъ и не вспомнятъ ни объ одномъ, кому этотъ клеверъ былъ питательнѣй рыбьяго жира.

— Ни къ чему все это, баринъ... Вонъ послѣ Харитона баба осталась. Съ похоронъ пришла, полведра купила, четверть на угощенье, а другую четверть тутъ же гостямъ и продала. Нашла себѣ занятіе, теперь живетъ... ничего. Такъ-то! — прибавляетъ онъ злобно, точно возражая кому-то, и отходитъ прочь.

Разворачиваю тетрадку. Прекрасныя пѣсни, о которыхъ я только что думалъ, завяли: вижу строки. Пусто и темно... Какая странная жизнь. Да и жизнь ли?

Докторъ возвращается изъ больницы и машетъ мнѣ рукой:

— Размышляете? Идемте ко мнѣ чай пить!

Покорно встаю и иду за нимъ къ низенькимъ желтымъ дверямъ его квартиры. У крайняго окна больницы съ любопытствомъ вытягиваетъ шею мальчикъ съ забинтованной головой.

— Не соскучились еще у насъ?

— Нѣтъ, напротивъ... напротивъ.

— Когда уѣзжаете?

— Не знаю. Какъ поживется... Недѣли черезъ двѣ...

— А то на зиму бы остались... Снѣга̀ тутъ у насъ, тишина. Работать никто не помѣшаетъ.

Я представляю себѣ эту прекрасную тишину и сдержанно отвѣчаю: — Зимой не могу. У меня въ городѣ дѣла.

— Только потому, что дѣла?

— Нѣтъ, не только потому, что дѣла. Не приспособленъ.

— Приспособиться можно.

— Для чего? Я не врачъ, не ветеринаръ, не акушерка, не урядникъ и не помѣщикъ, слѣдовательно...

— Слѣдовательно, будемъ пить чай. Маша, самоварчикъ бы намъ. Я сейчасъ, только руки умою.

Осматриваю комнату, хотя и знаю ее наизусть. Кусочекъ города, — словно оазисъ какой-то. Все такъ знакомо и цѣнно, особенно здѣсь, гдѣ любое жилье, какъ берлога. Рѣзная этажерка съ книгами, огромный диванъ, на стѣнѣ Пироговъ, группа врачей, на шкапу гипсовый «мальчикъ съ занозой».

За стеклянной дверью старенькая терраса, густо переплетенныя вѣтви яблонь и грушъ, пестрѣютъ маки, бегоніи, ирисы... Ишь ты, на много лѣтъ устроился! Не чета моему саду.

Докторъ вытираетъ руки и слѣдитъ за мной глазами изъ сосѣдней комнаты.

— Хорошо у васъ, докторъ.

— Ничего, жить можно. Устаешь иногда, это вѣрно. Сегодня шестьдесятъ пять человѣкъ осмотрѣлъ залпомъ... разговоры при томъ

всякіе. Изнуряютъ. Они, вѣдь, какъ дѣти, или если угодно, какъ телята какіе: разжуй и въ ротъ положи. Не разжуешь, капли вмѣстѣ со склянкой проглотитъ, потомъ, конечно, ad patres, — и шабашъ. У всей деревни навѣкъ довѣріе къ медицинѣ подорвано. Вотъ хоть сегодня... Варвару Козыреву знаете? Старуху? Обратной стороной, надписью т.-е., горчичникъ къ животу приложила и удивляется, что не помогло! Думаете, не объяснялъ? Двадцать разъ объяснялъ. Стара, глуха, головой киваетъ, разбери тамъ, поняла она или нѣтъ. А не узнай я во-время, смѣхъ на все село: бумажками лѣчитъ...

Докторъ входитъ и начинаетъ шагать по комнатѣ.

— Школа! — Онъ махнулъ рукой въ окно на двухъэтажный веселенькій домъ. — «Птичку божію» изучаютъ. Хоровое пѣніе, токарныя финтифлюшки и прочіе деликатессы... Гигіены никакой. Свѣдѣній о томъ, что подъ носомъ, съ чѣмъ они всю жизнь возятся, ни на грошъ. Акушерка въ селѣ пятнадцать лѣтъ, поповская сестра, здѣсь же и выросла, — а

онѣ бабку зовутъ, когда рожать надо. Потомъ зараженіе, потому что бабка такъ съ грязными руками и лѣзетъ! У учителя мать знахар-ка! Молодые, вотъ, къ ней ходятъ, когда дѣти не родятся. Холсты приносятъ. Холсты эти она, видите ли, должна сжечь, — тогда дѣти будутъ. Иначе не будутъ-съ. Холсты эта госпожа, конечно, въ сундукъ, а потомъ, если баба родитъ, — слѣдовательно, помогло. Не то, что наши горчичники. И ходятъ всѣ вѣдь школьники бывшіе, которые эту самую «птичку божію» учили... Годамъ къ двадцати «птички»-то эти, конечно, повылетятъ. Лѣчитъ она тоже. Конкурируетъ... Коровъ вотъ лѣчитъ, а сама, когда у нея корова заболѣла, ха-ха, къ ветеринару обратилась. Умная баба... Что жъ вы чаю не пьете? Можетъ быть, варенья?

— Нѣтъ, спасибо. Отчего же сынъ не повліяетъ?

— Парамонъ Николаевичъ? Очень она его послушаетъ! Отъ него и крестьяне носъ воротятъ, потому что свой же деревенскій, хоть и въ манишкѣ. Давно ли съ ребятами горохъ во-

ровалъ, въ ночное ѣздилъ, а теперь въ шляпѣ, учитель, живетъ въ комнатѣ съ обоями, сторожъ ему ботинки чиститъ. Они этого не любятъ. Да и ему не сладко! Въ прошломъ году его какой-то мужикъ обложилъ по какому-то поводу...

— Какъ обложилъ?

— Выругалъ, то-есть; потомъ бѣдняга приходилъ совѣтоваться, какъ ему быть. Чуть не плачетъ. Я посовѣтовалъ плюнуть, а онъ ни за что, за престижъ свой, видите ли, испугался. Пожаловался въ волостное, мужика на три дня въ холодную. Теперь самъ жалѣетъ: кланяться они ему перестали. Только ради матери иной и поклонится, который рубля въ срокъ не отдалъ...

Докторъ искрененъ. Но чувствую, что всѣ эти иллюстраціи, главнымъ образомъ, разворачиваются для меня. Я покорно слушаю и о горчичникѣ, и о холстахъ, смотрю на свое растянутое лицо въ самоварѣ и вяло удивляюсь: почему люди ходятъ на рукахъ, а не на ногахъ? Неужели бабы не знаютъ, отъ чего дѣти родятся? Орангутанги и тѣ, вѣроятно, зна-

ютъ! Смотрю на доктора и думаю: чтó, если предложить ему хорошее мѣсто въ городѣ, уѣдетъ онъ или нѣтъ? Пожалуй уѣдетъ. Ему вѣдь собственно лѣчить людей полагается, а онъ тутъ какой-то хроническій подвигъ совершаетъ... Объясняетъ, чтобъ склянокъ не ѣли... Изъ одного чувства самосохраненія, кажется, не станешь ѣсть... Чего объяснять еще?..

Я томлюсь, перелистываю старыя газеты и, наконецъ, подымаюсь. Доктору досадно, онъ только разошелся и еще многое бы продемонстрировалъ. При этомъ пристально и сухо смотрѣлъ бы въ мои зрачки, а я бы безпомощно слушалъ, хрустѣлъ подъ столомъ пальцами и думалъ, что онъ повторяетъ про себя: «негодяй, негодяй, негодяй»... Затѣмъ все это разрѣшилось бы, какъ въ прошлый визитъ, знакомымъ припѣвомъ: городъ отвлекаетъ отъ деревни всѣ культурныя силы. О, докторъ, докторъ! Если бы вы знали, какъ мало этихъ культурныхъ силъ въ городѣ, какъ невѣроятно мало... Тамъ, правда, горчичниковъ надписью къ животу уже не прикладываютъ, но

въ обращеніи съ мыслью, съ идеями, съ искусствомъ, съ дѣтьми и т. д. — тамъ это происходитъ сплошь и рядомъ, г. докторъ...

И еще, — господинъ докторъ, забылъ я вамъ сказать, да все равно возвращаться не стоитъ! У многихъ вашихъ паціентовъ, видите ли, сохранился неразмѣнный рубль: странная такая увѣренность, что послѣ погребенія для труповъ наступаетъ новая жизнь, несравненно интереснѣе земной. Такъ вотъ, такихъ паціентовъ собственно не очень жаль: о томъ, что никакой новой жизни не будетъ, они вѣдь такъ и не узнаютъ, а здѣсь, на землѣ, они побогаче насъ съ вами, господинъ докторъ. Чай въ накладку и галстукъ не такое вѣдь большое утѣшеніе, когда знаешь, что окно твое выходитъ прямо... въ черную дыру.

Долго стою въ недоумѣніи посреди зеленаго квадрата выгона. Куда итти? Въ рощу или къ пруду или просто по проѣзжей дорогѣ въ поля. Но глаза упали на желтый клинъ ржи у больничнаго сада, и вдругъ вспомнилось, что сегодня начали косить заливной лугъ.

Жужжатъ колосья. Глубокій плавный такой шумъ, словно о точильныя колеса тихо ножи точатъ. Посреди межи уцѣлѣли отдѣльные колосья, а мѣстами цѣлый рядъ тянется, тянется и оборвется. Земля плотно убита, свѣтло-сѣрая, какъ слоновая кожа, — гудитъ подъ ногами и струится легкимъ зигзагомъ куда-то въ бездонную желтую глубину шипящаго хлѣба. Гдѣ докторъ и его комната? Есть ли тамъ за спиной село? Да, есть, — обернулся и увидѣлъ. Но если смотрѣть впередъ или подъ ноги, все обрывается. Надъ желтымъ краемъ ржи густое синее небо. Легкій вѣтеръ. Передо мной мои руки отклоняютъ колосья, во мнѣ поютъ всѣ скрипки жизни и тишины. Я темный, тупой камень! Я сидѣлъ тамъ на выгонѣ часто по цѣлымъ днямъ, какъ привязанная собака, и до сихъ поръ не зналъ, что можно ходить по межѣ. Я ходилъ по голымъ дорогамъ, глоталъ пыль изъ-подъ всѣхъ встрѣчныхъ телѣгъ и бокомъ косился на переломанные, измазанные дегтемъ колосья у края дороги...

Колосья жужжатъ. Внизу у прохладныхъ

зеленыхъ стеблей сквозятъ ясные васильки. Я иду все медленнѣе, я не знаю, что мнѣ дѣлать, такъ мощно приливаетъ къ глазамъ синій и желтый океанъ неба и ржаныхъ полей. Межа оборвалась къ зеленому скату у лога. По гребню тамъ и сямъ группы пышныхъ березъ свѣсили длинныя свѣтло-зеленыя ленты. Пасутся пестрыя коровы. Прибавляю шагу и изъ-за поворота уже слышу: «жахъ-жахъ», «жахъ-жахъ». Косятъ.

Раскрылся широкій прибрежный лугъ. Телѣги съ поднятыми оглоблями сбились въ кучу. По всему лугу длинные ряды посѣрѣвшей скошенной травы и длинные ряды бѣлыхъ рубахъ косарей. Первый изъ ближайшаго ряда останавливается, вытираетъ рукавомъ лицо и широко улыбается.

— Здравствуйте.

— Здравствуй. Поглядѣть пришелъ?

— Да, интересно.

— Ну, что жъ, погляди, погляди.

Подошелъ второй, третій и другіе, кто поближе. Тяжело дышатъ, вспотѣли, иные совсѣмъ измучены.

— Устали?

— Помахай такъ съ зари, небось устанешь!

— Пить — смерть хочется, — прибавляетъ другой.

— Отчего же вы квасу не взяли?

— Кувшинъ взялъ, да выпилъ. Много ли въ немъ, въ кувшинѣ-то?..

Молчу и думаю, что если бъ это я былъ на его мѣстѣ, я бы взялъ квасу столько, чтобы хватило на весь день. Или, если не квасу, то воды — благо рѣка близко: зарылъ бы кувшинъ въ землю и пилъ сколько надо. Дѣды и прадѣды косили, тысячелѣтній опытъ за плечами и страдаютъ отъ жажды, точно здѣсь Сахара какая-нибудь.

— Ты что жъ, баринъ, смотрѣть пришелъ? Покосилъ бы! — обращается ко мнѣ съ улыбочкой низенькій мужикъ. Плотный такой мужикъ, — между плечами у него, пожалуй, весь его ростъ уложился бы.

— Да я никогда косы въ рукахъ не держалъ, — извиняюсь я и съ ужасомъ оглядываюсь.

Остальные, какъ заговорщики, тѣсно обступили меня, рыжій мужикъ пошаркалъ по косѣ брускомъ, вложилъ мнѣ ее въ руки — и всѣ загалдѣли:

— Не держалъ, такъ подержи!

— И я, какъ впервой косилъ, допрежь того въ руки не бралъ!

— Лѣву руку къ грудямъ приверни, а правой вотъ такъ!..

— Филимонъ, покажь имъ, какъ ворочать-то!

Огромный бородатый Филимонъ беретъ меня въ охапку, кладетъ на мои руки свои и начинаетъ плавно и сильно вертѣть мной и косой, такъ что мое тѣло вдругъ превращается въ рукоятку.

— По самому низу пущай, не тяни на себя, по̀ низу, по̀ низу!

Когда онъ отпускаетъ меня, наконецъ, я, къ глубокому своему удивленію, и къ полному удовольствію мужиковъ, продолжаю разворачиваться, какъ заведенная пружина, и повторяю тѣ же движенія, до тѣхъ поръ, пока остріе

косы не врѣзается въ землю. Вотъ что дѣлаетъ иногда самолюбіе!

Я тяжело дышу. Отъ телѣгъ примчались съ гаканьемъ мальчишки, но ихъ ожидало разочарованіе: человѣкъ въ пиджакѣ не полетѣлъ кубаремъ въ траву, не срѣзалъ себѣ косой подметокъ и не сломалъ косы.

— Здорово! — поощрилъ меня рыжій мужикъ. — Этакъ къ вечеру лучше насъ косить станешь.

«Какъ же, стану я тебѣ косить», огрызаюсь я про себя. Отъ десяти взмаховъ и то сердце въ глотку полѣзло...

Подходитъ лавочникъ (онъ тоже сегодня съ косой) и протягиваетъ ручку, — одинъ изъ всѣхъ. Все-таки, такъ сказать, свой человѣкъ, какъ же не обмѣняться рукопожатіемъ!

— Не скучаете у насъ?

Опять о томъ же...

— Нѣтъ, не скучаю.

— Скоро въ Питербургъ ? — съ особеннымъ удовольствіемъ подчеркиваетъ онъ «Питербургъ».

— Не знаю еще.

— Хорошій городъ. Года три въ немъ пожилъ. Шестнадцатая линія на Васильевскомъ Острову, домъ купца Дроздова. Можетъ знаете?

Хочется сдѣлать ему удовольствіе и сказать, что знаю, но избираю средній путь и молчу.

— Я думаю другого такого города и на свѣтѣ нѣтъ! Домá, напримѣръ: глазомъ не окинешь. Въ дроздовскомъ дому, чай, больше народу жило, чѣмъ у насъ въ селѣ.

— Что жъ въ этомъ хорошаго?

— Какъ же можно. Кипѣніе жизни, опять же торговля, въ каждомъ дому своя лавка, улицы мощены, водопроводъ...

Рыжій мужикъ не выдерживаетъ и ввязывается:

— Знамо, столица! У меня вонъ братъ тама въ дворникахъ служитъ, письмо прислалъ: очень ужъ хвалитъ.

— Еще бъ не хвалилъ, дворникамъ житье...

— Вы бы поѣхали, если бы вамъ найти мѣсто дворника? — спрашиваю я того, который сказалъ, что «дворникамъ житье»...

— Чего? Найди, другъ, пудову свѣчу за тебя поставлю!

Мужики хохочутъ: — Поставитъ, это онъ вѣрно сказалъ. Кто не поставитъ!

— Да, вѣдь, у васъ хозяйство. Двѣ коровы, лошадь...

— Шутъ въ ёмъ, въ хозяйствѣ. Бьешься, бьешься, окромя хлѣба ничего. Жизни не видишь.

Такъ, такъ. Вы не совсѣмъ правы, господинъ докторъ. Оказывается, что стремятся изъ деревни не только тѣ, кто пиджакъ носитъ. Есть, стало быть, и метафизическія причины. — «жизни не видишь» — гм... А, вѣдь, это мои слова. Да, мои слова, только не о деревнѣ, а... о городѣ.

Косари переминаются и что-то шепчутъ.

— За науку съ тебя четвертинку слѣдовало бъ, — вдругъ рѣшительно выступаетъ безусый Даниловъ.

— За какую науку?

— Забылъ, баринъ? Филимонъ-то училъ, аль нѣтъ?

— Поднесли бъ мужичкамъ, ваша милость, — почтительно поддерживаетъ другой. — Съ устатку, по баночкѣ... хорошо бъ!

«Моя милость» озадачена. Пить водку въ жару, въ разгаръ работы...

Растерянно опускаю руку въ карманъ и съ радостью не ощущаю въ немъ ни гроша. Пусть хоть случай выручитъ.

— Денегъ съ собой я не взялъ, извините... Я краснѣю и хочу отойти, но рыжій мужикъ находчивъ:

— Мы и безъ денегъ, за ваше здоровье. Иванъ Михайлычъ, — тычетъ онъ въ лавочника, — вамъ повѣритъ, два рублика только. Вонъ Мишка за виномъ и съѣздитъ.

Мишка высовывается и выражаетъ всей фигурой полную готовность съѣздить хоть на край свѣта.

— Что жъ... Пусть съѣздитъ.

Меня провожаетъ сочувственный гулъ и радостныя торжественныя восклицанія. Чувствую всѣмъ нутромъ, что въ эту минуту я пріобрѣлъ въ ихъ глазахъ больше уваженія, любви и преданности, чѣмъ всѣмъ своимъ

упорнымъ осторожнымъ вниканьемъ во всѣ мелочи ихъ жизни за всѣ эти недѣли... Ледъ сломанъ...

Отхожу, волоча ноги по жесткой щетинѣ скошеннаго бурьяна. Среди оголеннаго луга, какъ острова, тамъ и здѣсь подымаются краснобурыя метелки конскаго щавеля, за спиной съ удвоенной энергіей лихо запѣли косы: «жахъ-жахъ», «жахъ-жахъ».

Вотъ и безлюдный оврагъ, но на перерѣзъ отъ телѣгъ мчится съ крикомъ мальчикъ, зажавъ что-то въ рукахъ.

— Чего тебѣ?

— Перепела купи. Батя косилъ, а онъ въ травѣ запутлялся, купи! Жирнóй, ногу только ему одну косой отчекрыжило. Тебѣ, вѣдь, ѣсть, все равно... — И онъ протягиваетъ ко мнѣ птицу.

Я отворачиваюсь, закрываю лицо руками и, ни слова не говоря, бѣгу изо всѣхъ силъ по низу оврага, бѣгу до тѣхъ поръ, пока бѣшеная одышка не бросаетъ меня на землю. За мной никого...

Когда я подходилъ къ селу, весь западъ былъ залитъ прозрачнымъ бронзовымъ румянцемъ. Облака по краямъ наливались золотомъ, легкій вѣтеръ перекатывалъ ржаныя волны, и онѣ шуршали такъ сдержанно и тихо, словно сами себя укачивали. А что если тамъ за краемъ поля... Эдемъ?

Нѣтъ, не Эдемъ. Когда поле окончилось, открылся уголъ выгона, собака на цѣпи у чайной и урядникъ на ступенькѣ, школа и за колодцемъ моя резиденція.

Не входя въ комнату, прошелъ черезъ сѣни въ «садъ». Бобы взобрались уже по веревкамъ выше дверей, встрѣтились надъ ними и перевились легкой зеленой гирляндой. На красныхъ кирпичахъ очень мило. Подсолнечникъ по плечо, — скоро раскроется. Прибѣжали цыплята. Большіе такіе — противно смотрѣть. Куриное мясо!.. Иду за водой, кое-какъ поливаю грядки и клумбу. Циніи распустились, но что толку: цвѣты, какъ бумажные, и не пахнутъ.

Въ комнатѣ еще хуже. Душно. Мухи засидѣли занавѣски, красавицу изъ «Jugend»,

Толстого. Въ тарелкѣ съ формалиномъ цѣлая куча дохлыхъ. Другія еще вяло летаютъ, ползаютъ по полу и трещатъ подъ ногами. Темнѣетъ. Зажигаю лампу, ставлю самоваръ, ложусь на скамью и холодно разсматриваю потолокъ.

Я не понимаю, отчего люди не умѣютъ жить! Историческія причины, экономическія причины, — очень хорошо. Но не только же въ нихъ дѣло. Отчего бьютъ дѣтей? Каталогъ общихъ мѣстъ подсказываетъ: отъ некультурности и тяготы жизни. Такъ-съ. Отчего же у башкиръ не бьютъ? Та же некультурность, та же тягота. Не бьютъ же — самъ видѣлъ. Отчего коровинская свекровь запрещаетъ невѣсткѣ писать письма мужу-шахтеру? Отъ некультурности? Развѣ человѣкъ тигръ, котораго культура должна сдѣлать вегетаріанцемъ? Пусть тогда остается лучше тигромъ, будь онъ проклятъ! Развѣ не всегда, когда человѣкъ упадетъ въ воду, — культурные бѣгаютъ по берегу, охаютъ и падаютъ въ обморокъ, а некультурные снимаютъ портки и бросаются въ воду, даже если не

умѣютъ плавать? Или есть дьяволъ и ангелъ некультурности, и оба квартируютъ въ одномъ человѣкѣ? Должно быть, есть...

Я замираю отъ тоски, какъ перепелъ съ отрѣзанной ногой, отъ котораго я убѣжалъ, и встаю, потому что самоваръ на кухнѣ плюется и шипитъ. Тоска тоской, а чай пить надо каждый вечеръ.

Кто-то осторожно стучитъ въ окно.

— Можно къ вамъ?

— Конечно, конечно, какъ разъ къ самовару поспѣли...

Учитель. Ну, что жъ, и то слава Богу! Въ иной вечеръ и камергеру обрадуешься.

Странный человѣкъ: манишка, воротничокъ, манжеты съ какими-то безнадежно скучными запонками, плоскій галстукъ, похожій на высушенную летучую мышь, коричневый костюмчикъ въ клѣточку, черная шляпа и палка съ бронзовой собакой, а надъ всѣмъ этимъ великолѣпіемъ обыкновеннѣйшее крестьянское курносое лицо, обрамленное желтымъ пухомъ, который торчитъ откуда-то изъ-подъ воротника.

Первымъ долгомъ, конечно, отдалъ дань культурѣ: подошелъ къ полкѣ и въ сотый разъ пересмотрѣлъ знакомые корешки. Потомъ обошелъ картинки.

— Интересно сдѣлано.

— Что?

— Рамочка.

— Что въ ней интереснаго? Бумага подъ дубъ, наклеена на картонъ. Если бъ дубовая была, — другое дѣло.

— Дубовая — не штука. Потому и интересно, что такъ натурально сдѣлана.

Молчу.

— Книжку вашу не кончилъ. Завтра принесу. Не къ спѣху вѣдь вамъ?

— Не къ спѣху. Понравилась?

— Занимательно. Репортеръ-то какой ловкій: книгу Моисея протелеграфировалъ. Догадался!

Онъ сталъ мнѣ разсказывать своими словами, мѣстами съ мельчайшими подробностями, содержаніе «Духовной жизни Америки» Гамсуна. Разсказывалъ такъ же точно и подробно, какъ въ прошлый разъ содержаніе ка-

кой-то повѣсти въ послѣднихъ книжкахъ «Нивы», такъ же точно и подробно, какъ онъ разсказывалъ о прошлогодней поѣздкѣ съ экскурсіей въ Египетъ: гдѣ какія гавани, какъ кормили и какую онъ купилъ феску. Воображаю его въ фескѣ! Я знаю также, что если спросить его о немъ самомъ, онъ такъ же подробно и точно разскажетъ, когда родился, гдѣ учился, сколько у него учениковъ въ школѣ, сколько дѣвочекъ и мальчиковъ, какъ онъ преподаетъ хоровое пѣніе и прочее.

Наливаю ему чай и, чтобы оттащить его какъ-нибудь отъ Гамсуна, спрашиваю:

— Не знаете, Парамонъ Николаевичъ, почему урядникъ до сихъ-поръ моего паспорта не спрашиваетъ?

— Боится, должно быть...

— Боится? Чего же ему бояться? Богъ съ вами!

— Случай, видите, былъ такой. Зимой какъ-то подъ вечеръ прискакали въ село охотники, устроились на ночлегъ кто куда, а главный охотникъ, говорятъ, какое-то высокопоставленное лицо былъ — графъ или князь.

Ваша изба тогда пустая стояла, онъ въ ней и устроился. Вытопить приказалъ и сѣна принести. Дама съ нимъ какая-то еще была. Кто такой — никому неизвѣстно. Тимохинскую избу приказалъ очистить: собакъ туда помѣстили. Урядникъ тогда былъ другой, его послѣ этой исторіи и турнули. Пришелъ спрашивать паспортъ. Графъ-то этотъ или кто онъ былъ, его выгналъ. Урядникъ въ амбицію вломился, сталъ требовать на законномъ основаніи, да тотъ ему никакого поспорта не далъ и дверь заперъ. Утромъ укатили, куда — никому неизвѣстно, а черезъ три дня отъ исправника бумага, чтобы урядника вонъ. Такъ никто и не знаетъ, кто былъ и откуда. Новый, должно быть, и боится теперь.

Слушаю эту невѣроятную исторію и смѣюсь.

— Такъ, такъ... Такъ что, можетъ быть, Парамонъ Николаевичъ, передъ вами сидитъ теперь испанскій посланникъ или какой-нибудь ревизующій сенаторъ.

— Почему?

Ахъ, чтобъ тебя! Извольте объяснять, по-

чему. Пошутилъ, пошутилъ. Конечно, не испанскій посланникъ и не сенаторъ. Иванъ Ивановичъ Ивановъ, дачникъ изъ Петербурга, могу даже паспортъ показать.

Пьемъ чай и молчимъ.

— Скажите, Парамонъ Николаевичъ, большія у васъ каникулы?

— Четыре съ половиной мѣсяца...

— Школа у васъ лѣтомъ свободна, вы свободны. Постороннихъ привлечь можно, меня, напримѣръ, и поповскихъ племянницъ. Отчего бы не устроить въ школѣ дѣтскій садъ, что ли? Для самыхъ маленькихъ. Пѣснямъ ихъ обучать, играмъ разнымъ, картины показывать, — у васъ въ шкапахъ много. Они, вѣдь, лѣтомъ прямо дурѣютъ безъ призору, ревутъ по цѣлымъ днямъ, колотятъ другъ друга, грязны до омерзѣнія...

Парамонъ Николаевичъ озадаченъ и думаетъ.

— Нѣтъ, это невозможно. Инспекторъ не разрѣшитъ.

— Дѣтскихъ игръ не разрѣшитъ? Что вы? Чортъ съ нимъ, можно вѣдь и не въ школѣ,

въ сараѣ какомъ-нибудь, въ рощѣ, мало ли гдѣ. Лѣто вѣдь — не замерзнуть.

— Не знаю. Времени много отыметъ, — вяло возражаетъ Парамонъ Николаевичъ.

— Какое тамъ время! Сами же говорили, что въ иной день отъ скуки до вечера проспите. Съ ними другой разъ три часа провозишься и не замѣтишь, словно минута.

— Не знаю... не знаю... Сами они играютъ, чего еще съ ними играть...

Пьемъ чай и молчимъ. Разсматриваю его сбоку и постепенно накаляюсь. Какая-то принципіальная бездарность! Мало того, — не только самъ бездаренъ, но и все, чего онъ ни коснется, становится бездарнымъ и скучнымъ, какъ квасная гуща — Гамсунъ, Египетъ и проч. Словно это не чудеса, а тоже какіе-то манжеты и палки съ собачьими набалдашниками, служащія для отличія культурнаго человѣка отъ некультурнаго. Напялилъ манишку, да еще лѣтомъ... Кто ее теперь въ городѣ носитъ? Почему онъ удивляется, что я не читалъ послѣднихъ книжекъ «Нивы»? Отсталъ, мой дорогой, ничего не подѣлаешь,

да и не мое это дѣло: вѣдь книжки эти специльно для васъ предназначены, спеціально для собачьихъ набалдашниковъ.

Я почти задыхаюсь отъ бѣшенства и смотрю на бороду Парамона Николаевича такъ пламенно, словно она мой личный врагъ. Парамонъ Николаевичъ подымаетъ глаза и вдругъ улыбается такой доброй, простодушной улыбкой, словно я въ эту минуту самый пріятный для него человѣкъ на свѣтѣ.

Мнѣ стыдно и больно.

— Пойду я. — Парамонъ Николаевичъ подымается. — Книжку завтра занесу непремѣнно.

— Хорошо. Вы бы еще посидѣли?

— Нѣтъ, мнѣ пора. До свиданья.

— До свиданья.

Ушелъ. Что дѣлать, что дѣлать... Не въ иконостасъ же его вставлять только потому, что онъ народный учитель. Улыбнулся онъ — что жъ. Можетъ быть, это у него въ-родѣ отрыжки. Отрыжка благодушія.

Небо за занавѣской совсѣмъ потемнѣло. Мимо крыльца возвращаются съ покоса те-

лѣги, нагруженныя сѣномъ, и скрипятъ. Я не выхожу. Сегодня, пожалуй, всѣ кланяться будутъ...

У сосѣдей переполохъ. Визгливый женскій голосъ съ надрывомъ оретъ:

— Серега, вовцы въ картохи побѣгли!

Въ головѣ кто-то отчетливо произноситъ: «О, великій русскій языкъ»... Я усмѣхаюсь, беру томъ Киплинга и ложусь въ постель. Черезъ минуту я уже въ Индіи и только къ самому разсвѣту возвращаюсь оттуда и засыпаю, какъ убитый.

* *
*

Вспоминать ли о другихъ дняхъ? Всѣ, какъ одинъ. Въ поляхъ Эдемъ, въ рощѣ Эдемъ и у стога сѣна и всюду, гдѣ небо, земля и никого вокругъ. Но встрѣтишь людей, и опять темные, запутанные узлы, мое «да» — ихъ «нѣтъ», ихъ «нѣтъ» — мое «да»...

Звенитъ колокольчикъ. Ржавая старая таратайка скрежещетъ и накреняется то вправо, то влѣво. У одного лавочника только и нашелся такой прекрасный экипажъ. Работникъ

сидитъ бокомъ на передней скамейкѣ, куритъ и лѣниво подстегиваетъ снизу пристяжную, которая все норовитъ проволочить постромки по землѣ. У края дороги пропыленный чахлый подорожникъ и сѣро-голубой цикорій. Рожь сжата. Поперекъ жнивья надъ межой мотаются длинные ряды блѣдной полыни. Красная крыша школы долго еще маячитъ надъ дальними верхушками липъ. Но вотъ и она пропала. Нѣтъ больше села. Нѣтъ больше клумбы съ геранью, бобовъ на красной кирпичной стѣнѣ, выбѣленной комнаты съ бревнами вдоль потолка и съ привычно устоявшимися вещами, нѣтъ больше знакомыхъ дѣтей, школы, верстака, Коровина, и всего, что наполняло тамъ жизнь... И не сегодня все это исчезло: въ послѣдніе дни передъ глазами словно мутное стекло встало, и выгонъ, и Шарикъ, и ночная колотушка — все стало призрачнымъ, и, какъ во снѣ, едва касалось глазъ и слуха. Работникъ, пара лошадей и таратайка — еще реальны, но мы уже равнодушны другъ къ другу. Довезутъ и свалятъ, какъ случайную кладь...

Пока еще все притаилось и дремлетъ. Просторъ разбѣжался, колокольчикъ звенитъ, сухая полынь желаннѣй пальмы, людей нѣтъ. Земля опять благословленна. Въ оврагѣ и пашенъ не видно, медленно раскрываются волнистые зеленые бока, сережки бересклета бьютъ по лицу. Развѣ не радостно небо, — синяя сіяющая полоса надъ головой? Развѣ не воленъ вѣтеръ за плечами? Не нѣженъ шумъ березъ у перекрестка? Или это мои глаза радостны, духъ воленъ и мечта нѣжна? А небо, вѣтеръ и березы мертвы, какъ льды у полюса? Не мертвы, потому что во мнѣ тьма и боль, — не отъ меня сіянье, не отъ меня воля... Все притаилось и дремлетъ, но въ городѣ всѣ эти дни встанутъ, какъ нищіе у порога, и никакой красотой отъ нихъ не отмахнешься. Никакими спорами... О чемъ спорить? Здѣсь не услышатъ. А если услышатъ, такъ не поймутъ.

Отчего тамъ, въ селѣ, такъ часто — подойдешь къ человѣку, а онъ прежде словъ тебѣ улыбнется? Тамъ странныя бываютъ улыбки... Человѣку оторвало на молотилкѣ пальцы, а

онъ зажалъ руку въ шапку, идетъ въ больницу и улыбается. А я даже смотрѣть не могъ, словно смотрѣть больнѣе, чѣмъ такъ улыбаться... Отчего они ломаютъ ракиты у дорогъ, и потомъ зимой въ мятель сбиваются съ пути и гибнутъ? Отчего сосѣдъ пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, когда у его лошади лопнуло копыто? Ветеринаръ въ полуверстѣ, я не ветеринаръ, отчего онъ пришелъ ко мнѣ? Отчего мнѣ было такъ стыдно, когда я не могъ ничего ему сказать? Я, который такъ много знаю о грушахъ въ Германіи и о зеленыхъ ставняхъ...

Клубы пыли подымаются изъ-подъ копытъ и медленно уплываютъ въ сторону. Кто споритъ во мнѣ и о чемъ? Я видѣлъ ясное небо, заросшіе бурьяномъ пустыри у нищенскихъ домовъ, прекрасную землю до края неба, — не песокъ, не сѣрые камни, прекрасную черную землю, — и на этой землѣ полунищихъ людей. Я видѣлъ дѣтей, покрытыхъ коростой грязи, одѣтыхъ въ рваныя тряпки, которыми у насъ даже пыли вытирать бы не стали, — а кругомъ всѣ огороды были полны конопли,

сундуки замашнымъ холстомъ и въ прудѣ воды, сколько хочешь... Я слышалъ, какъ мужики, когда я прочелъ имъ изъ газеты первыя вѣсти о голодѣ въ сосѣдней губерніи, прежде всего обрадовались, что цѣна на рожь будетъ высокая... Отчего все это? Въ редакціяхъ толстыхъ журналовъ, конечно, знаютъ, и я когда-то въ городѣ зналъ, но сейчасъ забылъ.

Хочу вспомнить, но поля не отпускаютъ. Пустыя, безлюдныя, ни хлѣбовъ, ни травъ — они плавно уходятъ къ небу и наполняютъ сознаніе силой и строгою ясностью. Оголенная земля еще свѣжѣе, еще просторнѣе, чѣмъ лѣтомъ. Вѣтеръ свиститъ, полынь гнется. Отчего не сорветъ меня съ тарантаса и не понесетъ по пустымъ полямъ, какъ клокъ соломы? Выдулъ бы изъ души все, что набилось въ нее со всѣхъ сторонъ, — все чужое, безголовое и дикое, чего не понять, а поймешь — все равно не поможешь. Нѣтъ, здѣсь ничего не вспомнишь... Пустыя поля, вѣтеръ и небо такъ свободны, что ни за что не повѣришь, ни за что не повѣришь, что тѣ, кто

съ ними всю жизнь, такъ бѣдны и безпомощны...

Я качаюсь изъ стороны въ сторону. Я представляю себѣ, что я получилъ наслѣдство и купилъ кинематографъ, подобралъ самыя веселыя и интересныя картины. Карнавалъ въ Мадридѣ... Ловля дикихъ слоновъ... Мюнхенская пивная, гдѣ баварскіе крестьяне изображаютъ на подмосткахъ передъ мѣстной интеллигенціей національные танцы... Я достаю разрѣшеніе и объѣзжаю деревню за деревней, село за селомъ... И куда я ни пріѣзжаю, дѣти, бабы, мужики и даже самыя древнія старухи захлебываются отъ радости... Я собираю копейки, безчисленное множество копеекъ, а у кого нѣтъ копеекъ, тотъ даетъ шапку зерна — и потомъ всѣ эти копейки и зерно везу туда, гдѣ голодъ...

Толчокъ на ухабѣ. Я прихожу въ себя. Глупости: дикихъ слоновъ не разрѣшатъ, а если разрѣшатъ какимъ-нибудь чудомъ, то копейками плотины не заткнешь. Работникъ хлещетъ лошадей. Въѣзжаемъ на бугоръ. Справа отъ дороги бѣлѣетъ острогъ, а за желѣзно-

дорожнымъ мостомъ засіяли купола: шесть, семь, девять, двѣнадцать. Слава Богу, пріѣхали въ культурное мѣсто! Лихо пронеслись по городу и черезъ нѣсколько минутъ остановились у станціоннаго подъѣзда....

1912

Складъ изданія:

Книготорговое Т-во „Оріонъ“

Berlin W 15, Joachimsthalerstr. 26 (Rankeplatz)